

Островок счастья

ИДЕАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ – СЕМЬЯ

Лариса Райт Идеальный вариант (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9371512
Идеальный вариант: сборник / Лариса Райт.: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78957-3

Аннотация

Выйти замуж за первого встречного и быть с ним счастливой всю жизнь? Вполне возможно, если этот встречный – твой идеальный вариант.

Рассказы Ларисы Райт, составляющие этот сборник, абсолютно разные, но объединяет их одно: все они – о доме и семье. О том, как хорошо найти своего человека и как любовь, терпение и поддержка помогают преодолеть любые трудности.

Содержание

Браки свершаются на небесах	5
Вам и не СНИЛСось	10
Тысяча и одна жизнь	23
Разные люди	31
Прорвемся, малыш	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лариса Райт

Идеальный вариант. Сборник

Художественное оформление серии *А. Старикова*

В оформлении переплета использована фотография: Africa Studio / Shutterstock.com

В логотипе серии использована иллюстрация: Igor Plotnikov / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Браки свершаются на небесах

Она и сама не заметила, как сказала: «Да». Даже после не могла понять, было это осознанно или сработал эффект неожиданности. Как бы то ни было, положительный ответ прозвучал и завертелись приготовления. Сначала решили просто зарегистрироваться – соблюсти формальности, чтобы запустить механизм бюрократии: все-таки брак с гражданином другой страны – вещь особенная, требующая вступления в тесные отношения не с одним, а с двумя государствами. Распишутся, а свадьбу сыграют потом. И не простую, а непременно грандиозную, чтобы запомнилась на всю жизнь. Она надеялась, что запомнит красоту, романтику и любовь. Он надеялся, что забудет дыру в бюджете, в которую грозили вылиться ее воспоминания.

Расписывались уже через три месяца в присутствии родителей и нескольких друзей. Все было очень трогательно: красивые слова, влюбленные взгляды и ощущение всепоглощающего счастья – у них двоих. Окружающие улыбались, рассыпались в поздравлениях и не уставали удивляться поспешности происходящего. Естественно, находились и такие, кто любопытствовал:

– Невеста, случайно, не...

– Нет, конечно! – протестовала новоиспеченная теща. – С чего вы взяли?! И как минимум года три не планируют. В такой ситуации надо притереться, обжиться. Хорошо, что у них хватает ума на это.

– А я бы от внуков не отказалась, – вздыхала моложавая, стройная женщина, только что превратившаяся в свекровь. – У детей своя жизнь, вот и последний из-под крылышка улетел. Теперь можно и внуков понынчить.

– Успеем, – почти просительно произнесла теща, и будущие бабушки решили сменить скользкую тему на безопасное обсуждение других проблем: где будет жить молодежь, где праздновать свадьбу, на яхте или в отеле, куда отправиться в свадебное путешествие. Просто делились мнениями, вспоминали свои свадьбы, и каждое предложение не забывали заканчивать единственно правильными словами:

– Им виднее.

Решили покупать кольца от Тиффани и платье от Веры Вонг. Вернее, решила невеста, жених мнение выразил кратко:

– Jesus Christ!

Потом дал более развернутый ответ и сообщил, что теперь понимает тестя, который, благословляя, пожелал ему удачи. Шутки шутками, но хихикали на самом деле многие. Вслух, конечно, говорили: «Кто знает, может, и хорошо заживут». Но большинство про себя, а кто-то и в голос выражал мнение, что этот скоропалительный союз напоминает цирковое представление, а оно, как правило, длится не больше нескольких часов. Так что зрелище, конечно, интересное, но вряд ли затянется надолго.

– А знаете, где они познакомились? На Ибице!

– Да что вы говорите?

– То, что слышите. Вы же понимаете, о чем я?

– Прекрасно понимаю! На Ибице!

– Вот-вот. Зерно отношений очевидно, а на одном сексе далеко не уедешь.

– Но, возможно, не все так однозначно. Многие любят развлекаться, пока не встретят своего единственного. Может, это как раз тот случай?

– Я вас умоляю! Хотя дай-то бог, дай-то бог!

Так рассуждало старшее поколение. Еще любили беседовать на тему города и деревни. Конечно, невеста не переезжала к аборигенам в африканское племя, но после Москвы с ее

бешеным ритмом, количеством мероприятий, театров, музеев, концертов и других развлечений Ибица казалась просто захолустьем и тягаться с мегаполисом никак не могла. Об этом девушке говорили прямо, почти без обиняков. Точнее, спрашивали:

- Что ты там будешь делать?
- Жить.
- Скучно ведь.
- Да нет. Солнце светит гораздо чаще, люди улыбаются. Чего скучного?
- А светская жизнь?
- Ну, я же не кинозвезда.

Кинозвездой Ника не была. Обычная девчонка: симпатичная, но не модель; неглупая, но и не член элитарного клуба знатоков, веселая, жизнерадостная, привыкшая к легкой жизни (папа бизнесмен, мама домохозяйка) и ожидающая от мира неперменного выполнения своих желаний. А почему бы этого и не ждать? В космос лететь не собиралась, о собственном острове не мечтала, амбициями ни певицы, ни актрисы не обладала. Всего-то хотела видеть рядом с собой нормального мужчину, если не исполняющего, то хотя бы обещающего претворить в жизнь часть ее планов. Видимо, в них входили кольца от Тиффани и платье от Веры Вонг. Вряд ли такие заказы мог исполнить девятнадцатилетний студент (первые длительные отношения); или правоверный мусульманин, клявшийся в любви, но собиравшийся жениться только на девушке из своих (Ника принимать ислам отказалась); или менеджер по продаже машинного масла (последние отношения перед замужеством), который обещал, что молодой семье во всем помогут родители (разумеется, ее).

Нет, девушка не отличалась меркантильностью. Скорее рациональностью и умением заглянуть в будущее. Наверное, не теряла головы, если смогла разглядеть в прошлых кандидатах отсутствие того самого зерна здоровой амбициозности, что делает из мальчика мужчину. Если бы влюбилась по-настоящему, и за студента бы выскочила, и хиджаб бы надела, и помощью родителей не преминула бы воспользоваться. Но не случилось. А тут вдруг... Все спрослось, завертелось, закружилось и понеслось. Окружающие затаили дыхание. Ждали, когда очередной роман сойдет на нет и Ника снимет с безымянного пальца кольцо с крупным бриллиантом. Но не тут-то было! То ли бриллиант пришелся по сердцу, то ли щедрость человека, который смотрел на нее влюбленными глазами и обещал достать луну с неба без всякой помощи ее отца.

Почему-то, как только мужчина оказывается состоятельным, преподносит подарки, готовит сюрпризы и выполняет прихоти, даму сразу же обвиняют в неискренности чувств и продажности. Но на самом деле нет ничего странного в том, что женщина влюбляется в окружившего ее вниманием и заботой. Что ж поделать, если в современном мире эти бесценные вещи измеряются в бумажной валюте? Женщина хочет лучшей жизни для себя и своего потомства, ищет более сильного самца. А силен тот, кто добился успеха. Что в этом плохого? Если она в поиске и специально ищет случая продать себя подороже – это действительно похоже на проституцию. Причем больше на душевную, чем на физическую. Но если встретился именно такой мужчина, который выделился из прайда более слабых, это как раз логично и говорит о том, что она – настоящая женщина, понимающая распределение ролей в природе.

Ника оказалась как раз из числа таких барышень: достаточно легкомысленных, чтобы искать себя в самых разных отношениях, но вполне разумных для того, чтобы прерывать отношения, чем-то ее не устраивающие. А здесь устроило все и сразу. Ну, может, почти все. Хотя плюсов было настолько больше, чем каких-то незначительных минусов, что она решилась пуститься во внезапную авантюру с замужеством. На охи и негодование старшего поколения внимания не обращала. Родители спокойны – и это главное. А друзья и подавно. Они отнеслись с юмором и даже со здоровой долей цинизма. Отлично устроилась: море, солнце,

через месяц – вид на жительство, через пару лет – гражданство. Почему бы и не сходить замуж с такими-то перспективами?

Конечно, были свои опасения. Все-таки столько всякой грязи говорят и пишут в последнее время о браках с иностранцами. И к женам относятся ужасно, и детей отбирают, и вообще не на мужчин тянут, а на монстров каких-то. Как будто в нашей стране таких экземпляров мало! Много, может, даже больше. И по подвидам разделены: алкоголик, садист, тунеядец, параноик. А встречается (и нередко) гибрид четырех видов. Поэтому что иностранец, что наш – разница небольшая. Одна только – иностранцы в нашем метро не ездят, не сидят на лавках, широко расставив колени, и не закрывают глаза, притворяясь полумертвыми, больными и жутко несчастными при виде беременных женщин, стариков и пассажиров с детьми. На Ибике Ника с подобной напастью столкнуться не могла хотя бы потому, что метро там отсутствовало. Чем не причина распрощаться с московскими джентльменами и променять их на улыбчивого, открытого, пусть и немного наивного островитянина?

Были еще причины. Во-первых, она давно твердила о желании уехать. Впрочем, как-то вяло, ничего для этого не делая. А тут подвернулся шикарный вариант. Во-вторых, девушка не отличалась богатырским здоровьем. Постоянно ходила простуженная, лечила кишечник, страдала аллергией и другими напастьями, что сопутствуют жизни в загрязненном мегаполисе. В теплом же климате болезни отступали, Ника расцветала, переставала чихать и кашлять и, щурясь на яркое солнце, ни капли не скучала по серой Москве. Наконец, в-третьих, могла позволить себе мечтать о светлом будущем:

– В конце концов, надоест на Ибике – рванем в Барселону. Какие проблемы? Выучу язык, найду работу, и вперед.

– Ага, – мрачно кивали скептики. – Вперед и с песней. В Испании кризис который год, работы нет. Думаешь, легко будет?

– В туризме да с русским языком? Найду что-нибудь. Сейчас знание русского очень ценится. наших туристов с каждым годом все больше. А у меня ведь еще и английский на уровне, так что не пропаду. Кто ищет, тот всегда найдет.

– Так тебе и позволит его родня увезти сы`ночку на континент, – мрачно предсказывала мама. – Видела же, как они привязаны друг к другу, близкие такие, душевные.

– Тем более надо увозить, а то будут с утра до вечера в гости ходить, – беспечно отмахивалась Ника.

Ей все казалось легким. Раз так внезапно случилась и стремительно развивалась любовь, то и все остальное должно оказаться удивительно простым и быстрым: и кольца от Тиффани, и платье от Веры Вонг, и иммиграция, и семейная жизнь.

– Посчитаем финансы, возьмем кредит, купим дом.

– Большой? – с горящими от зависти глазами интересовались подружки.

– Четыре спальни, – немного хвастливо отвечала Ника.

– Большой, – признавали все окончательное поражение, тяжело вздыхая.

– А зачем такой большой? – спросила мама.

– Ну, не переезжать же все время. Когда-нибудь будет ребенок. И вы в гости пожелуете.

– Сначала доживите до «когда-нибудь».

– Доживем.

– А ты кого хочешь, мальчика или девочку? – такие вопросы задают всем невестам без исключения, и им – невестам – не надоедает отвечать:

– Девочку.

– А Пепе?

– А Пепе хочет пятерых детей. И чтобы четверо мальчиков.

– ...

– Не парьтесь! Я поэтому и надеюсь сразу родить девочку, чтобы с мальчиками завязать на корню.

– Какие у вас разные желания.

– Точно. Не сходимся ни в количестве отпрысков, ни в породе будущей собаки, ни в длине моих юбок.

– И что будете делать?

– Ну, длину юбок точно оставим прежней, а в остальном как-нибудь договоримся, – она упорно продолжала верить в легкость бытия.

Ника уехала на остров, а вслед еще долго летели отголоски доброжелателей:

– Ну, не срастется – разведутся. По нынешним временам ничего страшного.

– Будем надеяться, все будет хорошо. Хотя с ее характером и полгода – уже прекрасно.

– Скоро хорошо не бывает.

– Тиффани, Вера Вонг – смешно слушать!

– А как вам эти планы: хотим – живем здесь, хотим – там?

– А выучить язык с полпинка?

– А найти работу?

– Наполеон тоже хотел завоевать мир.

– А четыре спальни?

– А пятеро детей?

– Ну, это его заморочки. Пятерых не только родить, но и вырастить надо. Воспитание дать, образование. Не в Африку же уехали – в Европу.

– Родителей жалко. Растили, растили...

– Да они вроде не переживают. Лишь бы Ника была счастлива. Потом есть же старшая и внуки. Ну и самолеты, конечно. Не в СССР живем, слава богу!

– А свадьба в отеле? Ну, Голливуд просто отдыхает.

– Ага. И дискотека на яхте.

– Если, конечно, до свадьбы дойдет...

Дошло. Ника была очаровательна в платье, сшитом местной умелицей по эскизам известного дизайнера. Все-таки Вера Вонг есть Вера Вонг, и ее платья самые лучшие. Кольца были подлинными – их предполагалось носить всю жизнь, а не один день. Угощения в ресторане роскошного отеля были шикарными, а вот от яхты пришлось отказаться – выплыла за буйки бюджета, о чем Ника нисколько не пожалела. Дискотека у бассейна их дома (пока только с двумя спальнями, ну и что?) получилась незапланированной, но очень веселой.

– Ну что? – поинтересовалась у Ники лучшая подруга. – Теперь курс на Барселону?

– Полный вперед! – Та энергично кивнула и нырнула к мужу в бассейн.

– Не захлебнулась бы! – перешептывались скептики, вкладывая в слова двойной смысл.

Прошло много лет. Ника чудесно жила на Ибице. Язык выучила, профессию обрела: доросла до топ-менеджера отеля. У нее никогда бы этого не получилось, если бы погналась за мечтой и отправилась покорять Барселону. Во всяком случае, ей было приятно так думать. Поехать на континент хотели и даже всерьез собирались. Но в последний момент свалилось предложение о работе, и трезвый расчет подрезал крылья неизвестности. Ника твердой походкой шагала по карьерной лестнице, успевая воспитывать двоих детей. С пятком не сложилось, хотя, возможно, могло бы. Пепе и спустя двадцать лет намекал, что жена не воплотила в жизнь все обещания. А супруга со смехом отвечала, что он вполне может ограничиться тем, что юбки все-таки стали на ладонь длиннее.

Дом с четырьмя спальнями тоже не случился. Их было три – для родителей и разнополых детей: семнадцатилетней Марии и десятилетнего Алехандро. Была большая гостиная с камином и кабинет с раскладным диваном, на котором частенько и останавливались

родственники жены. Родня мужа ночевать не оставалась. Зачем? Они все рядом. Иногда, конечно, голова пухнет от обилия подарков, которые надо приобрести на Пасху и Рождество, а на семейных праздниках приходится сильно напрягаться, вспоминая, как зовут «вон того старичка с палочкой» или «эту милую девушку в синем платье». Зато всегда можно быть уверенным: случись что – за спиной армия помощников, которая никогда не предаст, даже в случае, если кто-то из верных солдат не всегда помнит твое имя.

Александр пока не мечтает ни о чем серьезном. Обычный мальчишка – веселый и озорной. Увлекается серфингом и, как все испанцы, футболом. Мария определилась. Она учится в балетном училище, что, впрочем, не мешает мечтать о прекрасном принце и большой семье с пятью детьми: четыре сыночка и лапочка-дочка. Иногда делится мечтами с Никой. Они сидят в гостиной и смотрят на огонь в камине. Маша кладет юную голову матери на колени и спрашивает:

- Замуж ведь надо выходить по любви?
- Конечно! – не раздумывая, отвечает та.
- И не должно быть никакого расчета?

Ника улыбается и, глядя на мужа, сидящего в кресле с газетой в руке, говорит:

- Разве что совсем чуть-чуть.

Вам и не СНИЛСось

Вторая дочь появилась на свет вовремя, как по заказу. Хотя именно по заказу, без всяких «как». Аня решила, что пора. И словно пальчиками щелкнула: получилось сразу. Даже удивительно. Вокруг только и слышно: у этих проблемы, у тех не получается, а на самом деле каждая вторая идет навстречу с животом. Муж пошутил:

– Надо бежать договариваться с директором школы.

И, скорее всего, был недалек от истины при таком-то бэбибуме. Да и потом, столько новшеств вокруг, что неизвестно, как все сложится в недалеком будущем. Возможно, школу для ребенка и даже институт придется выбирать до его рождения. И непременно по Интернету. А как иначе? Вперед к светлому будущему.

Это движение к всеобщей информатизации началось тогда, когда Аня всю работала в школе. Безобидно так, ненавязчиво: предложили ввести электронный журнал. Сначала вроде временно, в качестве эксперимента. Потом заявили, что он себя оправдал. Кто это отслеживал? Откуда такие данные? Нет, девушка ничего против не имела. Конечно, время занимает оценки из бумажного журнала в электронный переносить, но, с другой стороны, информация дублируется. Под конец четверти никто из нервных родителей не прибегает выяснять, с чего это у драгоценного чада, дневник которого пуст («Забыл! Не принес! Оставил дома!»), вырисовывается плохая оценка по английскому? Все оформлено, задокументировано. Заходите, любуйтесь, получайте информацию.

Хотя Аня не могла понять, почему получать информацию таким способом удобнее. Надо как минимум включить компьютер, зайти на сайт, ввести логин и пароль, предмет, класс и фамилию ребенка. И так раз десять, если хочешь, конечно, проверить успеваемость по всем предметам. Куда проще взять дневник, просмотреть неделю и либо удовлетворенно улыбнуться, либо отвесить нерадивому чаду подзатыльник (образно, конечно). А можно просто каждый день интересоваться успехами ребенка. Если они тебя интересуют – спросишь, а если нет, то и в электронный журнал не полезешь. Зачем?

Аня, конечно, понимала: не у всех детки говорят правду, докладывают об оценках и спокойно демонстрируют дневник. С другой стороны, как не продемонстрируешь, если каждую неделю классный руководитель собирает дневники и проверяет наличие родительской подписи? Ну, в старших классах, предположим, можно и самому вывести закорючку, а в младших, хочешь – не хочешь, а мамин росчерк понадобится. И все-таки ей повезло. Старшая дочка к учебе относилась ответственно и добросовестно. Сообщала об успехах, о промахах, заранее докладывала о грядущих школьных мероприятиях. В общем, как родитель Аня в электронном журнале не нуждалась. Но как преподаватель работу выполняла. Школа есть школа. Что советская, что российская, что западная. Тут все неизменно: «Партия сказала: «Надо!» – коллектив ответил: «Есть!»

Но параллельно с обнаружением беременности на работе неожиданно возникло столько разных «надо», что молодая женщина начала воспринимать будущего ребенка не просто как зародившееся чудо и еще одно доказательство их искренней с мужем любви, а как некий вполне реальный и действенный инструмент избавления от навязчивых и, увы, неизбежных новшеств, выдуманных чиновниками в сфере образования.

Во-первых, зарплату теперь предлагалось зарабатывать. До этого, конечно, учителя плевали в потолок: уроков не вели, знания не вдалбливали, нервов не тратили. Хочешь ограничиться этим списком? Твое дело. Получишь фиксированную часть оклада. Хочешь больше? Все в твоих руках. Вперед к дополнительной внеучебной деятельности. Готовь участников и победителей Олимпиад, реализуй районные и городские проекты, путешествуй с детьми по экскурсиям, развивай их и развивайся сам. Плохо? Несправедливо? И

хорошо, и справедливо. Только всю эту деятельность нормальные учителя вели и раньше. Неужели не ходили с учениками на экскурсии или в походы? Не участвовали в конкурсах и не писали статьи в журналы? Все делали. Только бесплатно. Хотите поощрить деньгами? Спасибо большое. Только зачем при этом основную часть зарплаты урезать? А это сделали, да еще как. Так, что учителя высшей категории, признанные специалисты и любимцы учеников, стали получать в разы меньше. Справедливо?

Аня бы тоже стала получать меньше. Ее лично, стыдно признаться, этот пункт как раз волновал не сильно. Добытчиком всегда был муж, а она (возможно, и зря – время покажет) позволила себе на него положиться. В общем, со своим отношением к семейной жизни девушка определенно вписалась бы в ту категорию преподавателей, что работу выполняют качественно и аккуратно, но только в учебное время. Остальное, извините, расписано: старшую дочь в музыкальную школу, на танцы, коньки и в бассейн. Еще в магазин, потом плита и вкусный ужин параллельно с проверкой тетрадей (и дочкиных, и ученических). А вечером так многого хочется: и почитать, и кино посмотреть (диски копятся нераспечатанными, по телеку сериалы то по Аксенову крутят, то по Булгакову – разве пропустишь?), и с мужем поговорить, ну и не поговорить... Как без этого? Молодые еще, горячие. Запал есть, и слава богу. Вон у других еще ни морщин, ни целлюлита, а секс только Восьмого марта и в день рождения. И всех устраивает. Аня тенденции сопротивлялась и старалась подбрасывать поленья в довольно спокойное пламя чувств. Хотелось, чтобы, несмотря на второе десятилетие брака и третье отношений, они все еще горели, а не тлели. И она старалась. Да и муж тоже. Так что вечерами, хотя бы несколько раз в неделю, требовалось друг друга поддерживать.

А потом вдруг вспоминала, что завтра снова шесть уроков подряд, к которым надо подготовиться. И шла готовиться. Затем вдруг неожиданно осеняла идея, и она кидалась писать статью. Нет, не научную, а так, легкую художественную ироничную статейку в женский журнал. Печаталась, кстати, частенько и была признанным обязательным автором среди редакторов изданий, что любили давать читательницам советы по уходу за детьми, мужьями, друзьями, любовниками и даже соседями. В общем, писала и по вдохновению, и по заказу. Получалось неплохо. Денег существенных не приносило, зато самоудовлетворения хоть отбавляй. Да и муж гордился, и дочь в магазине с умным видом распахивала журнал и громко спрашивала:

– А в этом номере есть твоя статья?

Мать, конечно, шикала для вида и ругала: «Нехорошо хвастаться». Но было приятно. Тщеславия Аня была не лишена. Оно-то и заставляло продолжать творить по ночам. Творила, а потом никак не могла уснуть, потому что уже засиделась, потому что все равно скоро вставать, потому что надо придумать, куда поехать отдыхать летом и как встречать следующий Новый год. И вообще, скоро вставать.

Часов в пять все-таки засыпала, а в шесть тридцать звенел будильник. Сначала умыться, одеть и накрамить себя, потом будить страдающего от недосыпа ребенка. Нет, Аня старалась укладывать дочь вовремя. В полдесятого, ну, максимум в десять. Но, как сама любила повторять:

– Не имеет значения, во сколько ты лег. Важно, во сколько встал.

Девушка была патологической совой, и дочь пошла в нее. Удивительно, как Аня умудрилась с такими биологическими часами несколько лет продержаться в школе. Спасало то, что пару раз в неделю (когда уроки начинались с третьего или с четвертого) дочку в школу отвозил муж. В эти дни она не то что не провожала домашних, глаз не открывала. Не могла! К концу недели казалась себе похожей на смерть. За выходные взбадривалась, а в понедельник снова начинала ждать пятницы или каникул. И за что же ей, спрашивается, доплачивать? За то, что интересно ведет уроки, или за то, что ученики ее любят, или за то, что репетирует с детьми сказку на английском языке (в учебное время, конечно, но ведь на английском). А

в неучебное, кстати, попробуй порепетируй. Детей еще отловить надо: у кого теннис, у кого балет, у кого шахматы. В общем, в деньгах ее определенно урезали бы. Но до этого еще надо дожить. Точнее, дорасти в профессиональном смысле.

Аня спокойно дорабатывала учебный год. Рожать осенью, и предстоял долгий и плодотворный, в творческом плане, декрет. Она просто вела уроки и общалась с детьми, а коллеги занимались обязательным повышением квалификации, спущенным сверху приказом. Ей-то как раз повысить, наверное, не помешало бы. Она и педа не оканчивала, и приемов психологических многих не знает: все на практике, по наитию, да и вообще образование штука неплохая. Но вот повышать квалификацию тому, кто проработал больше тридцати лет... Конечно, всем полезно овладеть компьютером или, например, освоить интерактивную доску (прощай чистописание, аккуратность и развитие моторики тире мышления!), но, простите, что можно изучать в объеме ста сорока четырех учебных часов? Что такого нового откроют на этих драгоценных курсах? Аня и тихо, и громко радовалась, что это счастье для нее временно откладывается. Другие же чертыхались и занимались. По каким-то предметам курсы были (слава чиновникам от образования!) дистанционными. Кому-то приходилось каждую неделю ездить через всю Москву и сидеть в аудитории, размышляя, «что я здесь делаю и кому все это надо». Таким образом, занятия стали вторым пунктом обязательной жизненной программы, от выполнения которого девушку спасло так вовремя зародившееся особое положение.

Третьим, от которого, естественно, отстранили, стало участие в объединении школ, не нужном ни заведениям, ни ученикам, ни родителям. Хотя школам, как водится, выбора не оставили. Бюджетные деньги теперь распределялись не по статусу заведения, а по количеству учащихся. Получилось, что вместо двадцати человек в классе в хороших школах образовалось двадцать пять, а языковые группы выросли с восьми до тринадцати человек. Денег, возможно, и больше, а вот знаний существенно меньше. Аня радовалась, что пока не должна принимать в этом участия. Но это с одной стороны – с учительской. С родительской – избежать всего было невозможно. И если образование старшей дочери все-таки могло остаться на должном уровне, знания еще не рожденной младшей уже внушали существенные опасения.

Но ребенок все-таки появляется не для того, чтобы родители сразу решали проблему дальнейшего обучения, а для любви. Маленькую Танюшку обожали все: родители, бабушки-дедушки, старшая сестра и, кажется, даже соседи, которым та начала улыбаться лежа в коляске. Она была хорошим и спокойным ребенком: вовремя кушала, много спала и мало плакала.

– Повезло! – радовались домашние.

– Повезло, – завидовали знакомые.

– Повезло, – соглашалась Аня и думала, какое же счастье, что можно вот так просто радоваться своему везению, жить спокойной жизнью и существовать вдали от реформ, навязанных сверху.

Наивная. Ребенок, конечно, рожден для любви. Но еще и для того, чтобы стать гражданином, которого надо регистрировать, а потом получать кипу необходимых документов. Начали с ЗАГСа. Там обошлось малой кровью: муж приехал к обеду, но милая улыбка в сочетании с красивой купюрой сделали свое дело: Танюшку записали.

– А почему не заламинировал? – Аня повертела в руках свидетельство о рождении – тоненькую зеленую бумажку, которую легко и помять, и разорвать, и потерять.

– Теперь не делают.

– Почему?

– Сказали: «Не положено».

– Ясно. Ну, зарегистрировал, и ладно.

- Погоди, тут еще целый список дали.
- Какой список?
- Инстанций.

Девушка вчиталась в текст на узеньком прямоугольнике: прописка, гражданство, пособие, медицинская страховка, сертификат на материнский капитал.

– Андрюш, – вздохнула с тоской. – Нам ведь еще загранпаспорт делать, если летом лететь куда.

- Сделаем, – легко откликнулся муж.

Легкость объяснима. Множественное число в его фразе образное. Делать придется Ане. В общем, это естественно. У нее никаких претензий. Супруг занят, работает, вертится как белка в колесе. Еще и старшую теперь в школу возит, бедняга. Ну, не плестись же ему в самом деле в ОВИР (или как там теперь называются эти ФМС и другие заведения)? Плестись, конечно, ей. Только от этого не становится веселее.

За пропиской все-таки отправились вместе. Благо инстанция с плохо выговариваемым названием ЕИРЦ работала и по субботам. Муж катал коляску под окнами, Аня сидела в очереди, которая, кстати, прошла довольно быстро. Уже минут через сорок она смотрела, как женщина в окошке стучала по клавишам компьютера и отправляла на принтер какие-то документы. «Вот и славно. Сейчас штамп поставят, и дело сделано», – думала она, протягивая свидетельство о рождении.

– Это мне не надо. – Бумага вернулась к Ане вместе с другими, где значилось количество принадлежащих ей законных метров жилплощади и отсутствие долга за коммуналку. – Отнесете в паспортный стол, там штамп и поставят. Бегите, они до трех работают.

Аня выскочила на улицу:

- Спит?
- Сопит. Домой?
- Как бы не так.

Отправились в паспортный стол. Там милая девушка заполнила заявление, распечатала какую-то карточку и отправила заверять подпись к начальнику. Того в субботу, разумеется, на службе не было, но законные опасения не оправдались: подпись заверила секретарь. Она же шлепнула на листочки круглую печать и разрешила:

- Идите.

Аня почти обрадовалась: «Не так уж все и сложно». Снова протянула документы паспортистке:

- Вот. Готово.

Та просмотрела, дружелюбно кивнула:

– Отлично. В пятницу приходите за свидетельством. Только паспорт не забудьте и вот эту вот бумагу, – и отдала справку о том, что свидетельство номер такой-то изъято у гражданки такой-то для простановки штампа о прописке.

Аня опешила:

- Как в пятницу? Почему? Это же почти неделя.
- Ну да, – легко согласилась паспортистка. – Даже лучше позвоните в пятницу уточнить, пришел документ или нет?
- Откуда пришел? Куда вы их отправляете?
- Куда надо, – голос служащей перестал быть миролюбивым. – Вы как с луны свалились. Что у нас тут, архив обо всех сведения хранить?
- Но ведь компьютеры есть, – решила жалобно пискнуть Аня.
- Есть, – согласилась паспортистка. – Сведений нет.

На нет и суда нет. Пришлось возвращаться в следующую субботу. Снова Андрей катал коляску с видом уже более обреченным, чем в прошлый выходной. Все-таки хотелось про-

гуливаться в лесу или в парке, а не между сидящими на лавочке старушками и грузчиками универсама (паспортный стол почему-то располагался дверь в дверь с продуктовым магазином).

На этот раз дело не затянулось. Документ выдали практически сразу, как только девушка в очередной раз заверила подпись у секретаря и поставила еще одну печать. Свидетельство вернули без всякого штампа. Вместе с ним просто протянули мягкий листок – треть А4, в котором и значились сведения о прописке.

– Храните, не потеряйте! – сказала паспортистка.

Аня не нашлась, что ответить. Просто рассматривала бумажку и, как рыба, открывала и закрывала рот. Потом вяло проблеяла:

– Раньше штампы ставили...

– То раньше, а теперь вот так.

– Зачем? Штамп ведь удобнее.

– Кому как, – огрызнулась служащая.

Нет, Аня не была наивной. Все понимала и про освоение бюджета, и про финансовую выгоду, но чтобы так – шило на мыло. И зачем тогда говорить о вырубке леса, если столько бумаги зря расходуется? Неудобно ведь! Вместо штампа листик размером с клочок туалетной бумаги. Всем неудобно, как бы эта в окошке ни огрызалась.

– А гражданство где? – поинтересовалась Аня, повертев еще раз свидетельство и бумажку с пропиской.

– Гражданство – это не к нам.

– А куда?

– В районное УФМС.

– Куда?

Паспортистка с жалостью взглянула на девушку:

– Туда, где загранпаспорта выдают. Там, кстати, тоже по субботам открыто.

Через час свидетельство сдали в следующую инстанцию. На немедленное получение, ясное дело, не рассчитывали. Явиться назначили дней через десять. Аня пришла через месяц. Раньше как-то не получилось: приближался Новый год. У старшей дочери намечались праздники и концерты и в школе, и в кружках. У мужа на работе, как обычно, в это время запарка. Голова пухнет от количества пока безответных вопросов: что подарить родителям, купить свекрови очередную кофточку или сковородку, каким сюрпризом удивить учителей, какие советы по подготовке праздничных обеденного и развлекательного меню раздать читательницам на страницах журналов. Еще у Танюшки болел животик, у мамы скакало давление, Андрея на три дня скрутил радикулит, из школы позвонили и пригласили на новогодний корпоратив. Аня взглянула на себя в зеркало: под глазами круги, голова немывтая и некрашенная, на майке пятна от молока, из-под майки еще не опавший живот. Разумеется, отказалась.

Концерты отплясали, спину подлечили, Новый год справили, стали готовиться к лету. Тут и вспомнили, что надо сделать ребенку загранпаспорт, да еще и свидетельство о рождении забрать. Танюшка стала полноправным гражданином России. Ну, не совсем, конечно, до представления своей кандидатуры на выборах еще очень далеко, но получить ряд необходимых документов уже можно и даже нужно.

В этот раз Аня поступила более разумно – решила заранее разведать обстановку. В местный УФМС заскочила спонтанно среди дня, оказавшись поблизости. Народу было, по общепринятым в таких заведениях меркам, не так уж много: человек десять-пятнадцать.

– Кто последний на подачу? – для порядка осведомилась она.

Одна из женщин, сидящих у кабинета, строго взглянула на нее и спросила:

– А вы писались?

– Нет, – Аня сразу же сникла.

– Тогда, – женщина полистала бумаги, что лежали у нее на коленях, и вытянула исписанный лист, – восемьдесят шестой будете?

Восемьдесят шестой она быть не собиралась, так же как и пятидесятой, но шансы решила прикинуть:

– А до обеда сколько человек прошло?

– Тридцать, наверное.

Диалог прервал молодой человек, вихрем ворвавшийся из коридора:

– Граждане, мне без очереди! Я с госуслуг.

– Ага, жди, – откликнулись откуда-то сзади. – Не один такой. Нас тут с пяток счастливыхчиков.

– И как же? – Вновь прибывший тоже сник.

– Человек из списка, человек с портала, – строго распорядилась дама со списком.

Аня кивнула на листок и задала самый важный вопрос:

– Список на несколько дней пишется? Переключки есть?

– Да нет, скажете тоже. Не в Совке живем.

– По-моему, там же, – жаловалась вечером мужу, ведь ей предстояло поступить так, как поступила лет пятнадцать назад.

И девушка это сделала: приехала в субботу к дверям УФМС в шесть утра. И была первой и, стыдно признаться, со скрытым наслаждением наблюдала за растерянными лицами людей, что подтягивались к крыльцу за пятнадцать минут до открытия и видели перед собой толпу из пятидесяти человек.

В кабинете, куда она зашла через три часа, замерзшая, уставшая и злая на весь мир, а особенно на чиновников, что не могут обеспечить гражданам своей страны человеческие условия обретения законных прав, пришлось понервничать. Куда-то испарилась копия свидетельства о Танюшкином рождении, хотя Аня точно помнила, что делала ее. Она вообще очень ответственно относилась к походам в подобные структуры. Все всегда без сучка, без задоринки, чтобы комар носа не подточил. Уж очень не хочется возвращаться, переживать и смотреть на раздраженные, кислые мины сотрудников. А тут пришлось. Женщина, далеко не приятной наружности, исподлобья наблюдала, как посетительница в третий раз лихорадочно перебирала папку с документами в поисках вожденного листка, но тщетно. «Сейчас пошлют», – подумала Аня, но в этот момент свидетельство воспарило в воздух и с грохотом опустилось в пасть ксерокса. Со словами: «Бумаги на вас не напасешься», – паспортистка яростно нажала на кнопку «Старт», и приятное жужжание копировальной машины известило, что пережитое унижение все же избавит ее от еще одного незапланированного трехчасового бдения под дверью «гостеприимного» учреждения.

Странное чувство, мало когда появляющееся в душе: гадкое унижение и ощущение полной никчемности и несостоятельности, смешанное с непередаваемым облегчением и восторгом от того, что прием документов свершился. Унижение, смягченное гордостью за сообразительность и организованность: встала, пришла, помучилась, но обманула-таки список, что разросся уже до семидесяти граждан, желающих выехать за пределы России и обязанных получить на то разрешение всемогущего государства. Особенно великая мощь ощущается в узких коридорах с пятью стульчиками, где предлагается разместиться всем страждущим и где не попить и, уж извините, не пописать. За последним Аня поспешила домой. Возбуждение от сделанного понемногу сошло на нет, уступив место тяжелой усталости и грустным мыслям о безнадежно испорченной субботе из-за того, что мать семейства чувствует себя не полной сил и энтузиазма молодой женщиной, а вялой селедкой, которой от жизни не надо ничего, кроме пары часов вожденного сна.

Конечно, через пару дней «приключение» забылось, но не настолько, чтобы сломя голову кидаться переживать нечто подобное в очереди за медицинским полисом или мате-

ринским сертификатом. Гораздо приятнее было листать сайты турагентств и обсуждать предстоящий летний отдых. К тому же и это мероприятие не могло обойтись без препон бюрократии – визы еще никто не отменял.

Как только вожделенный паспорт Танюшки оказался на руках (получать проще – счастливики составляют отдельную очередь и не задерживаются в кабинете дольше минуты: беглый взгляд на заполненную страницу, росчерк пера, и вот ты уже мысленно летишь хоть на Гаити, хоть на Аляску), Аня озаботилась оформлением виз. Заранее, конечно, но вдруг откажут. Тогда еще будет время переиграть и вместо Европы решиться все-таки на Турцию. Вот этот вечный совковый страх, который, к счастью, неведом новым поколениям, но, к сожалению, неискореним в тех, кто хоть и не во взрослом, но уже в разумном возрасте застал эпоху советского строя. Туда не ходи, стой там и вообще не высывайся – стиль жизни, который вроде бы и отменили, и стряхнули с себя, а пылинки остались, вросли в сознание мертвецким грузом и мешают расслабиться и получать удовольствие от жизни. Так, Аня, например, не могла заставить себя не волноваться каждый раз перед походом в очередной визовый центр. Хотя отказов никогда не получала, не могла успокоиться и поверить в то, что этого не должно случиться и в этот раз. Мало ли что и кому придет в голову. Вот не понравится какому-то французу или итальянцу Анина фотография, не захочет он ее выпустить в свою страну и шлепнет в паспорт дурацкий отказной штампик. Умом, конечно, понимала, что у всякого отказа существуют свои причины, и в ее случае таких вроде не наблюдается. Но пресловутое «а вдруг» никуда не исчезало и вынуждало переживать и вздыхать с облегчением всякий раз, когда вожделенные визы выдавали.

На сей раз ехать решили в Италию: совместить приятное с полезным. И морским отдыхом насладиться, и попутешествовать, пока Танюшка настолько мала, что большую часть времени обещает спокойно спать в коляске или автокресле, а старшая Маня достаточно большая, чтобы заинтересоваться достопримечательностями, на которые страна так богата. Аня с Андреем уже бывали и в Риме, и в Венеции, так что проблем с визами возникнуть не должно. Возникли с фотографиями. Себя и детей она бегала фотографировать заново раза четыре: то слишком маленькие, то слишком большие, то недостаточно четкие, то неподходящие по еще каким-то ведомым исключительно сотрудникам итальянского консульства критериям. Беготня сопровождалась постоянными бытовыми проблемами: сначала Танюшка отказалась сосать грудь, и в список обязательных дел добавилось как минимум трехразовое сцеживание. Молокоотсос заменил книги, телевизор и телефон, потому что все свободное время было посвящено процессу добывания молока. Она сцеживалась, когда все уже и еще спали. Зато теперь много думала. В голове зрели сюжеты для очередных статей, которые иногда все же удавалось доносить до бумаги. Еще думала, где отметить очередной день рождения старшей дочери, на который та, естественно, захочет пригласить почти весь класс и станет нить, что музеи, аниматоры и игровые автоматы надоели и надо придумать что-то совершенно особенное. А кто будет думать? Конечно, мама.

Еще размышляла, что на два летних месяца стоит снять дачу или домик на море, потому что оставлять малышня в городе нельзя. Кроме того, у друзей намечался юбилей и следовало купить небанальный подарок. Да, еще Танюшке надо найти няню, потому что бабушки порядком устали заведовать бесконечными перемещениями Манечки, пока Аня прикована к «доильному аппарату». Да и ей самой с какой-то стороны было удобнее обходиться самой, чем постоянно раскладывать логику: кто, когда, куда и кого везет.

За этими хлопотами, включая ежедневные (приготовить, постирать, погладить, убрать, помочь с уроками, потетешкаться и обсудить с редактором очередную статью), девушка как-то позабыла, что не до конца освоила список необходимых для Танюшки документов. Вспомнила неожиданно. Напоминание вышло грустным: перед самым отпуском (так, что

пришлось переносить дату вылета и менять бронь гостиниц) старшая попала в больницу. В Аниной голове сразу бухнуло: «А у младшей-то даже полиса нет».

Конечно, она не была настолько безответственной, чтобы вовсе лишить ребенка медицинского обслуживания. Заработок Андрея позволял страховать девочек в хорошей клинике, наблюдаться у специалистов, сдавать анализы и делать прививки. И когда все хорошо, не думаешь, что в одну секунду может понадобиться бесплатная медицина, а в придачу полис обязательного страхования. И вот эта секунда настала. Хорошо, что со старшей, у которой, по крайней мере, была нужная карточка. Девушка себя отругала: «Пока гром не грянет...»

Но ругань не помогла выполнить задуманное немедленно. После больницы сразу улетели, потом переехали на снятую дачу, откуда велись поиски хорошей няни: обзванивали друзей и знакомых, публиковали запросы в соцсетях и размещали объявления в газетах. Наконец нашли достойную женщину. К тому же к концу лета можно было распрощаться и с молокоотсосом. Для себя Аня решила, что сделала в этом отношении все, что могла. В конце концов, ребенку нужна здоровая, довольная жизнью мать, а не издерганная, нервная особа, живущая одной мыслью о необходимости сцедить еще двадцать-тридцать граммов.

В общем, к концу августа она добралась-таки до единственной на огромный район поликлиники, где занимались выдачей возжеланных полисов. Количество народа в очереди внушало оптимизм: пара старушек, пожилой дядечка, две беременные женщины и еще несколько человек. Лето – благодатная пора для походов по подобным инстанциям. Но разговор заставил насторожиться:

– Мне педиатр сказал, что до Нового года поменять надо, – доверительно говорила одна старушка другой. – А то направят в какой-нибудь санаторий немосковский, а там полис не действует.

– И не говорите. Уж лучше перестраховаться.

Аня, обычно в подобных разговорах не участвующая, решила поинтересоваться:

– А что, старые полисы менять надо?

– Говорят, что да, – присоединился к беседе пожилой дядечка в очках.

– Кто говорит? – позволила себе усомниться Аня, ничего о замене не знающая.

– Кому надо, – важно ответил дядечка, а девушка с тоской подумала: «И кому это надо?»

– А СНИЛС у вас есть? – подошла женщина, судя по виду такая же растерянная, как она. – Без него могут полис не дать.

– Это что такое? – испугалась Аня.

– Какой-то индивидуальный номер. Говорят, выдают в одном месте на всю Москву. Очереди, сами понимаете, бешеные. У меня подруга ребенка в лагерь отправляла, ей пришлось ехать, брать. В лагерь без СНИЛСа теперь не берут.

Манечке с ее диагнозом лагерь теперь не грозил, да и без оного Аня вряд ли рискнула бы отправить ребенка в государственный лагерь. Но решила полюбопытствовать:

– А еще для чего нужен?

– Так для всего. В садик попасть или в школу. Теперь же все через Интернет, а там этот СНИЛС и требуется.

– Да что вы?! – Она готова была расплакаться. Сложно нашему человеку услышать известие более нериятное, чем внезапно свалившийся на голову незапланированный поход к чиновникам.

Но удар, однако, смягчился тем, что заявление на выдачу полиса оформили без всяких проблем и СНИЛСов, выдали временную бумажку, действующую «ого! Аж до тридцатого сентября», и мирно отпустили восвояси.

– А старые полисы надо менять? – не забыла уточнить Аня.

– Как хотите, – равнодушно пожала плечами сотрудница страховой компании.

– Вы мне скажите, как надо.

– Кто ж его знает? – Такое же меланхоличное пожатие плеч. – Сегодня говорят: «Не надо», а завтра по-другому скажут.

«Это точно», – мысленно согласилась девушка.

– Придете полис забирать, можете и остальные поменять, – посоветовала женщина. – Если, конечно, решите.

Решение можно было отложить, по крайней мере, до тридцатого сентября. К тому же и со СНИЛСом все оказалось не настолько ужасно, как обрисовала незнакомка. На следующий день в районном отделении Пенсионного фонда, куда пришлось ехать оформлять заявление на получение материнского капитала, девушка обнаружила объявление, из которого следовало, что заветные СНИЛСы можно получить в округе аж по четырем адресам. Немного, конечно, но все-таки не один на всю Москву. Уже что-то. Кстати, в Пенсионном фонде был туалет. Даже с туалетной бумагой. Хорошо, что был. Плохо, что это вызвало удивление.

Удивляться наступившей осенью предстояло еще много чему. На классном собрании у Манечки объявили список мероприятий на год, и Аня поняла, что одно это может похоронить все существующие планы на личную жизнь: «Битва хоров» на новогоднем вечере, театральный фестиваль, соревнования по аэробике, конкурс чтецов, олимпиада «Академия» и еще спортивная олимпиада, приуроченная к Сочи-2014. И так как дочь была активной, хотела участвовать везде и во всем, что, безусловно, достойно похвалы, мать могла только догадываться, что ждет впереди. Во-первых, ей, как пишущей мамочке, предлагалось найти или написать удобоваримый сценарий для театрального представления, во-вторых, Манечка хотела, чтобы класс непременно исполнял выбранную ею песню, и требовала найти нечто оригинальное, новогоднее, но неизбитое. В-третьих, она собиралась побеждать среди чтецов, а потому интонацию каждого задаваемого наизусть стихотворения приходилось оттачивать битый час. И все это с Манечкиными гримасами, слезами и Аниным отнюдь не педагогическим криком. В-четвертых, старшенькая с подругой объявили учительнице по физкультуре, что умеют кататься на коньках и к школьной олимпиаде будут ставить танец. Для постановки, естественно, требовалось обеспечить девочек льдом, что вменялось в обязанности родителям. Кроме того, класс был озабочен созданием собственного проекта о своем национальном составе. Детей разделили на группы по несколько человек и каждой выдали задание. Идея замечательная, никто не спорил. Их надо и образовывать, и учить работать совместно. Только вот обеспечение всего снова свалилось на головы родителям.

С этой точки зрения жизнь в Советском Союзе вспоминалась только с ностальгией: сам гуляешь практически с пеленок, сам договариваешься и встречаешься с одноклассниками и вообще не особо грузишь родителей школьной жизнью. Анин горячо любимый папа в школе был два раза: провожал ее в первый класс и пришел на выпускной вечер. Мама, конечно, исправно ходила на собрания, но в общественной жизни класса участия не принимала. Один раз принесла с работы костюм «Книги для чтения», и на этом, пожалуй, список внеурочной работы можно завершить. Конечно, если девочка просила помощи с домашним заданием, всегда помогали. Но просила не часто. А сделанные уроки никогда не проверяли, считали, что ребенок должен сам учиться и развивать в себе чувство ответственности. Аня старалась тем же методом действовать с Манечкой, и вполне удавалось, хотя в школе настоятельно советовали регулярно проверять домашнюю работу. Мать откровенно халтурила, да и дочь не выказывала желания просить проверять то, с чем справлялась сама. Вполне хватало материнского раздражения от медленно заучиваемых стихов, пропущенных глаголов в английских предложениях и буквы «а» в слове «ночлег» в диктанте. В общем, и без уроков количество родительского участия в жизни школы на Анин, возможно неверный, взгляд оставляло желать меньшего.

Было чему удивляться помимо школы. В танцевальной студии, с которой Манечка прошлой весной съездила на конкурс в Украину, где девочки завоевали бронзовую медаль, теперь решили не почивать на лаврах, а бежать впереди планеты всей, заявляя о себе везде, где только нужно, и посещая все конкурсы, концерты и фестивали, какие можно. Кроме того, решили ставить сразу четыре новых танца и на майские везти самый удачный на конкурс в Ригу. Решения эти включали пошив костюмов, организацию поездки и еще много разных мелочей, не связанных с процессом собственно творчества. Аня, к стыду своему (видимо, сказывалась наследственность и природная лень), общественную деятельность терпеть не могла. Потому, откуда могла, самоустранилась, благо можно было прикрыться маленьким ребенком, и никто слова не сказал. Но, конечно, ограждать Манечку от участия в концертах и конкурсах не могла и не хотела. А потому почти каждые выходные – либо репетиции, либо выступления, и ничего не поделаешь. Вот тебе и выходные. Но в детей надо вкладывать. В противном случае никогда не дождешься дивидендов.

В музыкальной школе все было спокойнее. Так, концерты ко Дню матери и на Новый год. А еще какая-то сценка по музыкальной литературе, к которой непременно надо было найти костюм петуха. Манечка благородно объявила:

– Мам, я могу отказаться.

Но и та в благородстве не уступала:

– Не надо.

Разрываясь между желаниями дочери и собственными возможностями, об ожидающем полисе Аня вспомнила аккурат тридцатого сентября, когда срок временно выданной бумажки заканчивался. В чудом выкроенные полтора часа драгоценного времени она отправилась в поликлинику. Картина, открывшаяся взору, сначала ни капли не испугала. Да, небольшой тамбур забит битком, да, невозможно угадать, где первый и последний. Но Ане не было до этого никакого дела. Она гордо произнесла:

– Я на получение.

Гонор быстро остудила женщина с давно вышедшим из моды начесом на голове, спросившая:

– Ну, и что?

Аня забеспокоилась, беспомощно вглядываясь в толпу:

– То есть как что? Получать кто последний?

– Общая очередь, женщина! – одернул седенький старичок.

– Как общая? Да вы что? Почему?

– Что же нам, всех получающих вперед пропускать? – подбоченилась тетка с начесом.

– Умная нашлась! Получать она! – поддержала ее еще одна неприятная дама.

– Стой, как все стоят, и не возмущайся! – бросил какой-то наглый молодой парень.

Аня, что было совсем ей не свойственно, огрызнулась:

– Вам самим охота по два раза стоять?

– А что? И постоим.

– Надо так надо.

– Не развалимся.

– Ну и стойте! – И громко хлопнула дверью.

Такое количество народа никак не могло позволить получить вожденную карточку за отведенное на это мероприятие время. Кроме того, за минуты, проведенные в помещении, Аня успела разглядеть объявление на двери кабинета. Там огромными и совсем не обнадеживающими буквами было написано: «Обмен старых полисов на новые обязателен. Действие старых полисов обязательного медицинского страхования будет погашено». Было очевидно: стоять в дурацкой очереди придется в третий раз. Но где же выкроить время на второй?

В следующие два месяца Аня про полис только вспоминала. Причем довольно часто, практически каждый день. И всегда в одинаковом контексте: невозможно найти два-три часа свободного времени, чтобы отстоять-таки длиннющую очередь. Иной раз собиралась и даже загадывала день, когда непременно это сделает, но всякий раз что-то мешало. То неожиданно заболела собака, которую пришлось таскать по врачам, потом оперировать и выхаживать. Обошлось, слава богу. Потом понадобилось ремонтировать машину. Тут сама провинилась: все-таки надо помнить, где оставляешь автомобиль. А то припарковалась перед клумбой и, пока ходила за Манечкой в музыкальную школу, забыла про нее. Результат: треснутый бампер и неработающий моторчик стеклоочистителя. Стекла грязные и немые, а на дворе, знаете ли, осень, без воды не поездишь.

Следующим из неожиданных, но приятных дел стал заказ от редактора одного из журналов на еженедельную колонку. Ничего заумного: легкий, правдивый и непременно веселый дневник молодой матери. О! Здесь было где развернуться, и Аня разворачивалась по мере возможности где-то между стиркой, кипящим на плите супом и решением задачи по математике для четвертого класса.

Неожиданные заботы не отменяли ожидаемые. Сначала нагрянул первый день рождения Танюшки. Событие, конечно, знаменательное, но, к сожалению, не ограниченное исключительно застольем с родными и разбором подарков. Вслед за праздником наступали будни, в которых аварийным сигналом настойчиво мелькало слово «диспансеризация». Понеслось: лор, невролог, окулист, ортопед, анализы, педиатр, прививки. Мероприятие масштабное, но, главное, закончившееся диагнозом «здорова». А большего и не надо. Только вот полис обязательного страхования может неожиданно пригодиться и здоровым детям. Об этом Аня продолжала помнить. Но вслед за диспансеризацией наступил декабрь и прямо перед носом замаячил очередной Новый год.

В этот период предпраздничная лихорадка поражает практически все население планеты. Ее семья не была исключением. Андрей, как всегда, к концу года был озабочен закрытием проектов, сведением дебета с кредитом и в помощники для разрешения других (внутрисемейных) проблем совершенно не годился. В лучшем случае мог улыбнуться и посоветовать:

– Котик, решай сама. Ты же у меня умница.

Но обычно ограничивался пожатием плеч и ответом:

– Ой, я не знаю.

Знать все полагалось Ане: что купить своим и мужниным родителям, детям, учителям старшей (чай, конфеты, шарфики, посуда, косметика уже дарены-передарены, и попробуй придумай что-нибудь оригинальное), самой Манечке. А еще друзьям, соседям, коллегам Андрея и пару сувениров «на всякий пожарный». Старшей, кстати, полагалось еще приобрести подарок от Деда Мороза, веру в которого родители свято поддерживали, хотя в последнее время девочку все чаще посещало желание эту веру развенчать. Просьбы к зимнему волшебнику становились все более претенциозными и лишенными всякой фантазии, и Аня никак не могла решить, как поступить: сказать дочери правду или написать ответное письмо от имени Деда Мороза с отказом в «нахальной просьбе» об iPhone. К счастью, та сама передумала «тратить время на писанину» и объявила, что хочет сюрприз. Радоваться бы! Но не покидало смутное ощущение, что приобрести вожаемый продукт компании «Apple» было бы проще.

Где и как отмечать собственно праздник, тоже предстояло выбрать самой. Хорошо, что в этом году, в связи с возрастом Танюшки, вариант был только один: приглашать друзей к себе. Гостей Аня любила. Хлопоты, связанные с их приходом, никогда не были тягостными. И все же нужно потратить время на обдумывание меню, сервировку стола и украшение квартиры. Последнее, кстати, обещало оказаться самым сложным. Танюшка, которая

не просто пошла, а буквально побежала, оказалась ребенком непоседливым и очень любопытным. Она была везде: в шкафах, в стиральной машине, у плиты, в собачьих мисках, в Манечкином портфеле, – везде, только не в своих игрушках. В связи с этим на семейном совете пришли к выводу, что ставить елку в наступающем году просто опасно. Маленькая егиза могла не только побить половину игрушек, но и уронить на себя всю конструкцию. И хотя старшая упорно верещала, что хочет большую елку, решили ограничиться либо новой – совсем маленькой, либо просто ветками, которые можно было повесить к карнизу, или к люстре, или к двери, или куда-нибудь еще, куда, естественно, решит Аня.

Еще на хозяйкины, в переносном смысле, плечи, а в прямом – голову ложилась организация культурно-развлекательной программы на каникулы, чтобы Манечка успела и погулять, и поиграть, и обогатить внутренний мир. Ну и заодно, чтобы родители не скучали и не мечтали, как полстраны, о скором окончании новогодних каникул.

Но до них еще надо дожить. Доживание включало в себя два концерта в музыкальной школе, несколько мероприятий в школе обычной, парочку выездов с танцами и один – зато какой! – с классом в Кострому. Ане вменялось ехать вместе с Манечкой, потому что: а) дочери так хотелось; б) мамы едут практически со всеми; и, наконец, в) «в прошлом году из-за Танюшки ты в Устюг не ездила, так что в этом будь добра...» И она паковала чемоданы: покупала унты и теплые штаны, жарила в дорогу котлеты и запасалась терпением для нескольких дней в обществе двадцати детей.

«Вот вернемся из поездки, обязательно схожу за полисом», – дала себе очередное обещание, которое, даже не удивительно, исполнению не подлежало. По возвращении (в середине декабря) новогодняя кутерьма закрутила с удвоенной силой и не отпускала до самого праздника. Тридцать первого довольный выполненными планами и предстоящим отдыхом Андрей взял Танюшку на себя, а супруга занялась уборкой, готовкой и наведением марафета под неизменный аккомпанемент любимой комедии о метаниях подвыпившего гражданина между Москвой и Ленинградом. Манечка, которую уже посетил Дед Мороз (жаль только, как обычно, оставил мокрые следы на полу, распахнутое окно и подарок, не без этого), находилась в замечательном расположении духа. Под свисающими с карниза ветками стояла коробка с отличным конструктором (не iPhone, но тоже очень даже), и это был прекрасный повод, чтобы помочь маме с готовкой. Вместе они мыли, резали, накрывали. А потом также вместе красились, наряжались, одевали Танюшку, делали ей смешные хвостики и встречали гостей.

Праздник получился веселым. После боя курантов и громогласного «ура!» гости искали по квартире подарки, слушали эпиграммы (конечно, Аниного сочинения), пели в караоке (очень тихо, чтобы не разбудить Танюшку) и даже пытались танцевать на узеньком пятачке между столом и книжными полками. К четверем утра уgomонились и разошлись. Манечка, у которой открылось уже, кажется, пятое дыхание, порывалась помочь убрать со стола и вымыть посуду, но была отправлена спать. Она долго ныла и возмущалась, но уснула секунд через десять после того, как коснулась головой подушки. Аня с Андреем стояли в детской плечом к плечу и смотрели на детей.

– Сокровища наши, – прошептал отец.

– Да, драгоценные, – согласилась мать и вдруг спохватилась: с сокровищем же может что-то случиться! – Полис, – выдавила она, – так и не получила.

– Поликлиника наверняка работает в какие-то дни. Четвертого или пятого. Сходи. Я останусь с детьми.

– Спасибо. – Аня теснее прижалась к мужу.

– Каникулы, – улыбнулся Андрей.

– Ага, – согласилась она, мысленно уносясь в то, что будет после.

А будут очередные и внеочередные хлопоты: муж, дети, дом, работа, собака, родственники, друзья. Будни и праздники. Грусть и веселье. Спокойствие и волнение. Снежный ком из ежедневной рутины, которая зовется жизнью.

Андрей посмотрел на Манечку, сбросившую одеяло и разметавшую по кровати руки и ноги, бережно укрыл ее и сказал:

– Совсем большая стала. Взрослая.

– Да. – Аня заглянула в детскую кроватку, где, свернувшись калачиком, чмокала соской Танюшка. – Тоже быстро растет.

– Точно, – вздохнул муж. – Скоро в школу пойдет.

Девушка тоже вздохнула. Но в этом не было ни ностальгии по летящим годам, ни сожаления о быстро растущих детях. Вздох объяснялся просто: слова Андрея напомнили о том, что для Манечки и Танюшки нужно получить СНИЛС.

– Спать? – спросил он.

– Спать, – согласилась она.

О СНИЛСе подумает завтра, или через неделю, или через месяц, или в следующем году, или тогда, когда подумает. Потому что не думать о СНИЛСах, ФМСах, ГИА, ЕГЭ и прочих «г» в нашей стране и этой жизни нам, к сожалению, не дано.

Тысяча и одна жизнь

– Ой! – Мужчина от неожиданности захлопнул дверь автомобиля и тут же открыл снова. – Простите, я туда попал?

– Вы – Денис? – Ксения улыбнулась и слегка наклонила голову. Непослушные вихры тут же закрыли пол-лица.

– Да.

– Значит, туда. В Шереметьево едем?

– Да. – Пассажир все еще мялся за дверью, словно раздумывал, не попросить ли девушку снова открыть багажник, чтобы забрать чемодан, который он собственноручно положил минуту назад.

– Так садитесь! – Она нетерпеливо стукнула по рулю. – Опоздаете на самолет.

Напоминание о рейсе вывело молодого человека из ступора, и он с опаской притулился на краешке сиденья. Ксения покачала головой и усмехнулась. Она, конечно, привыкла, что на таксиста-женщину всегда так реагировали, никто не оставался равнодушным. Дети со свойственной им непосредственностью показывали пальцем и засыпали вопросами: «Как же так? Почему? А вам нравится?» А потом: «Вот здорово! Мамочка, я тоже так хочу». Женщины, как правило, радовались. Им этот фактор создавал ощущение дополнительного комфорта и безопасности. Молчаливым позволял молчать без напряжения, а болтливым – болтать с надеждой на полное понимание. Мужчины постарше в основном смотрели с жалостью, будто хотели спросить: «Что же довело тебя, дочка, до такой жизни?» Ну, а молодые поражали разнообразием поведения. Кто-то откровенно пытался флиртовать и просил телефончик. Ксении, конечно, было приятно, но, как только она ощущала назойливость, тут же грозила высадить посреди дороги. Встречались те, кто тяжело вздыхал и закатывал глаза, мысленно вопрошая всевышнего, за что тот послал мучение в виде «обезьяны с гранатой». Реже попадались реагировавшие более или менее спокойно, которые говорили: «Ух ты!» и спокойно забирались в салон. А такие, как Денис, случались частенько, тут же начинали паниковать, суетиться и думать, не лучше ли отказаться от заказа, потому что с таким водителем наверняка либо будешь плестись, как черепаха, либо попадешь в ДТП, либо, чего доброго, к праотцам отправишься.

Боялись, конечно, напрасно. Ксения водила легко и уверенно. В ней чувствовалось единение с машиной и полное отсутствие напряжения, что передавалось любому, даже самому беспокойному пассажиру буквально через несколько минут. Вот и Денис уже после пары светофоров пришел в себя и даже выразил вслух восхищение:

– Здорово едете.

– Ага. – Ксения позволила себе улыбнуться. – А вы боялись.

– Верно, – он немного смутился. – Простите.

– Ничего, я привыкла.

– Понимаете, так растерялся, что даже испугался немного. Все, думаю, накрылся мой отпуск.

– Куда летите? – Тема навыков вождения уже порядком наскучила.

– На Гоа.

– Шикарно! В первый раз?

– В первый.

– Вам понравится.

– А вы там были?

– Да, неоднократно. Я в Индии шесть лет прожила. Первый муж индусом был. Познакомились здесь, конечно, еще студентами. Ну, любовь-морковь, все дела. Две свадьбы опять же. Просто сказка. Здесь белое с кринолином, там – красное сари. – Девушка замолчала.

Поток автомобилей двигался медленно, и она задумалась о других возможных вариантах маршрута:

– Может, уйдем на Третье кольцо? Навигатор говорит, там свободно.

– Как хотите. Я с запасом такси заказывал. Вроде успеваем.

Ксения свернула на эстакаду и стала тихонько подпевать Валерию Леонтьеву, поющему про дельтаплан. Она бы с удовольствием заголосила в полную силу, но это могло не понравиться пассажиру. По инструкции вообще не полагалось петь, но не всегда удавалось сдержаться. Душа жаждала праздника.

– «Я как во сне...» – шептала Ксения.

– А потом? – неожиданно спросил пассажир.

– Что? – Ксения прервала полет и нахмурилась. «Ну, начинается... Сначала сомневался в моих водительских навыках, теперь вот боится, что страдая топографическим кретинизмом». – Потом на Ленинградку выскочим, и все.

– Да я не об этом. С индусом-то что случилось?

– С каким индусом? – Девушка на секунду отвлеклась от дороги и удивленно взглянула на Дениса.

– Ну, с мужем вашим.

– А... С Раджиком... Да нормально все с ним. Жив, здоров, процветает в Мумбаи. Женился, детишек нарожал целую кучу. Жена сидит дома и готовит разные вкусности с кучей приправ.

– А вы не умели?

– Чего?

– Готовить.

– Готовить? Да сколько угодно. Дома вот сидеть не умела. Так и сказала: «Не для того я, Раджик, пять лет училась да в Индию ехала, чтобы сидеть в четырех стенах».

– А он?

– Шесть лет терпел, а потом взбрыкнул, конечно. Либо, говорит, подавай наследника, либо езжай назад в Россию.

– И приехали, значит?

– Ну, а что ж не приехать? Мне и самой, честно говоря, за шесть лет и Индия осточертела, и сам Раджик. Нет, человек он неплохой, даже очень хороший. И не мелочный, кстати: по миру меня покатал, драгоценностями побаловал и при разводе не поспешил: оставил немного на счету в банке и хибарку на Гоа.

– Хибарку?

– Ну да. Три спальни, вид на океан, садик приличный и небольшой бассейн.

– Хибарку... – Брови Дениса многозначительно поползли вверх.

– Ну, по сравнению с его дворцом в Мумбаи это жилье по-другому не назовешь.

– И вы от этого отказались?

– Легко. Зачем оно надо, если не дают дышать во всю плотку? Я же говорю: хороший был человек, но домостроевец. Где была? Куда ходила? Что делала? И все с подозрением, с упреками, даже с гневом. А еще зудел: «Рожай ребенка, рожай ребенка». Я говорила: «Подожди, давай насладимся обществом друг друга». А он: «У нас в Индии семья без детей не семья».

– И что?

– Да ничего. У него двое сыновей, дочка и беременная близнецами жена.

– А у вас?

- Тоже сынок есть.
- От второго мужа?
- Ну да, от француза.

Пассажир присвистнул и начал рассматривать Ксению с неподдельным интересом, пытался понять, что же такое особенное в ней находят иностранцы. Нет, женщиной она была вполне симпатичной. Тридцать с небольшим, а может, с большим, кто разберет, как человек выглядит на самом деле: хорошо, плохо или как раз на свой возраст? Волосы красивые, хотя не уложены, и цвет немного блеклый, можно подкрасить. Фигура... Ну, это сложно оценить, когда женщина сидит, да еще в куртке. Но вроде нормальная: без излишеств и не тощая. Лицо такое аккуратное: нос маленький, губы бантиком, глаза серые, ресницы длинные. Женщина как женщина. Не писаная красавица, но миленькая и обаятельная – приятно поговорить. Да и не меркантильна: от дворцов отказалась. На это, наверное, мужики и купились. Каждому хочется, чтобы любили их душу, а не состояние.

- У француза тоже дворцы были?
- Нет, две скромные квартиры в Париже и в Провансе.
- Какую из них он вам оставил?
- Этот? – Ксения расхохоталась. – Мне? Он себе оставил все мои платья, шубы и машину, которую я купила на деньги, полученные от аренды индийской хибарки.
- А зачем отдали?
- Грозился в противном случае ребенка отобрать. Там разбираться не стали бы: он француз – значит, закон на его стороне. Они нас ни в грош не ставят.
- Это точно, – согласился Денис. Сейчас все средства массовой информации почти каждую неделю сообщали об очередном случае изъятия детей у российских матерей либо мужьями иностранцами, либо органами опеки иностранного государства. – Вот ведь сволочь! – искренне посочувствовал он.

Она беспечно махнула рукой:

– Да нет, человек как человек. С гнильцой, конечно, но кто не без греха? Каждый борется за свое место под солнцем. Вот продал мои шмотки, купил небольшой виноградник. Теперь у него в Провансе не скромная квартирка, а добротный дом и приносящая стабильный доход винодельня.

- А у вас?
- А у меня сын.

Теперь Денис смотрел на Ксению с нескрываемым восхищением. Она снова тряхнула кудрями, будто хотела избавить его от наваждения, и со смехом добавила:

- Ну хибарку, конечно, никто не отменял.
- Они свернули на дорогу к аэропорту.
- А можно вопрос? – Ему не терпелось все для себя уяснить.
- Конечно.
- Зачем вам это?
- Что?
- Такси. Тяжелая ведь работа. Средства, я так понял, у вас есть, зачем же корячиться?
- Третьего ловлю, – доверительно сообщила Ксения и, повернув голову, подмигнула пассажиру.
- Не понял.
- Мужа.
- Как это?
- Ну, вот вожу, разговариваю, приглядываюсь. Да не бойся! Что задрожал-то? Ты еще маленький. Я тебе не по зубам. – Она хихикнула, и Денис окончательно смутился, но все же решил уточнить:

– А по-другому нельзя познакомиться?

– Это как? По клубам уже поздновато ходить. В театр все парами выбирают. Ну, не на улице же к мужчинам подкрадываться. А если ждать, когда к тебе подкрадутся, можно и не дожидаться.

Ксения припарковалась у терминала D, Денис продолжал сидеть в каком-то оцепенении.

– Беги давай! – легонько пихнула его в плечо. – Не отбирай у меня законное время, отведенное на поиски жениха.

Пассажир расплатился, забрал чемодан и долго еще стоял на тротуаре, глядя вслед удаляющейся «Шкоде» и повторяя: «Ну и баба!»

Вызвавшая восхищение Ксения, довольно мурлыкая хит «О боже, какой мужчина!», направлялась в Куркино. Новые пассажиры ждали ее у подъезда многоэтажки, нервно расхаживая по тротуару. Как только такси остановилось, женщина рванула дверь и, несколько не удивившись присутствию за рулем Ксении, спросила:

– Вы за нами? Нам в МГУ.

– За вами. Садитесь.

– Давай, давай. – Пассажирка отступила от двери и стала подталкивать к салону юношу самого несчастного вида. – Аккуратнее, всю куртку измажешь.

Они уселись, и Ксения сочла нужным сказать:

– Погода такая. Льет и льет, дороги грязные, ну и машина соответственно.

– Не извиняйтесь, – отмахнулась женщина. – Понимаем. И когда только это закончится? Вроде лето, а холод собачий. Скорее бы избавиться и от сапог, и от курток...

– ... и от экзаменов, – неожиданно прогнусавил молодой человек.

– И от них тоже, – согласилась женщина и сочувственно потрепала по коленке сына (а в том, что это были мать и сын, не было никаких сомнений: одинаковые лица, одинаковая манера говорить, чуть растягивая слова, и явно подходящий возраст обоих).

– Поступаете? – поинтересовалась Ксения.

– На психфак, – не без гордости, но немного нервно откликнулась женщина. – Вот едем узнавать первые результаты. Сейчас должны вывесить списки по математике.

– А разве сейчас не по ЕГЭ зачисляют?

– В МГУ еще и внутренний экзамен сдают. Так во всех престижных вузах.

– Да, когда мы с вами учились, с поступлением было как-то полегче, – со знанием дела сказала Ксения.

– И не говорите! Издеваются над детьми и над родителями.

– А вы где учились? – снова прогнусавил сын.

– Там и училась. На психфаке.

– Ой! – Юный пассажир явно обрадовался. – А расскажите! Легко поступили, страшно было?

– Конечно, страшно. Не без этого. – Ксения подъехала к Белорусскому вокзалу и присоединилась к пробке. – Помню, поехали с подружкой списки смотреть. Кстати, тоже по математике. А раньше ведь как считалось: трояк получил – считай, прошел. Ну, мы первым делом к двойкам. Смотрим номера, вроде нет. Дух перевели, к тройкам побежали. Все глаза проглядели – нет там моего номера. Снова к двойкам. Битый час стояли, так и не нашли цифр. В общем, металась я там между двойками и тройками бог знает сколько времени, пока подруга, наконец, к четверкам не позвала.

– Четверку получили? – Юноша восхищенно прикрыл рот рукой.

– Да, – Ксения гордо кивнула головой. – Их всего три на потоке было.

– Естественно! Там же такая математика! – Молодой человек не сводил с девушки горящих глаз. Она подумала, что вполне может загореться через пламя, что отражало зеркало заднего вида. – А расскажите, как вы учились?

– Да как все. Обычная студенческая жизнь. От сессии до сессии. Ну, у психологов чуть интереснее, чем на других факультетах. У нас же анатомичка есть, – заговорщицки сообщила Ксения, и молодой человек звонко расхохотался. Его напряжение явно уменьшилось. А вот мать, напротив, смотрела с нескрываемым ужасом. Ксения тревоги не поняла, но женщина вскоре сама раскрыла причину, спросив:

– Скажите, почему же вы, закончив психфак, за баранкой сидите?

«Все ясно. Разволновалась за будущее своего чада». Ксения поспешила успокоить пассажира:

– Я диссертацию пишу по теме «Случайный попутчик». Слышали ведь, что люди часто бывают разговорчивы и откровенны с теми, кого, скорее всего, никогда больше не встретят?

– Конечно, это доказанный факт.

– Вот его и изучаю. Не все готовы быть «случайными попутчиками». Кто-то не готов слушать, кто-то не хочет говорить, кто-то не желает делать ни того, ни другого. Мне надо изучить психотипы людей на практике, и я, по-моему, нашла отличный способ это сделать.

– Да, интересно! – с энтузиазмом откликнулся будущий студент. – А кто у вас научный? Случайно не Гипенрейтер?

– Нет, другой.

– Жаль. Она – крутая!

– Кто?

– Гипенрейтер же! Книжки полезные пишет. Моя матушка в свое время штудировала.

– А-а-а, – Ксения со знанием дела кивнула головой. – Ну да, конечно. У меня научный тоже вполне себе. Советы дает, торопит, но не сильно. Короче, нормальный дядька. – Поток медленно скользил к «Националу». Девушка перестроилась в правый ряд и остановилась:

– Наверное, вам лучше выйти. Здесь же нельзя направо.

Пассажиры выбрались из машины. На их лица вернулась озабоченность и какая-то обреченность, свойственная тем судьбоносным моментам, когда от личности уже ничего не зависит.

– Удачи! – приободрила Ксения.

– Спасибо, – церемонно поблагодарила мать, а сын спросил с нескрываемой надеждой: – Думаете, у меня получится?

– Непременно! У меня же получилось. – И она потекла дальше в ручье автомобилей. К берегу ее прибило на Ордынке. Пожилой мужчина голосовал на дороге, и, поскольку диспетчер молчал, она решила посадить пассажира.

– Командир, до Калужки сколько возьмешь? – Надвинутая на глаза кепка влезла в салон. – Ой, извините, девушка, до Калужской дорого?

– Садитесь, договоримся.

– Ага. Только мне еще по дороге цветочки купить надо.

– Сделаем.

В пути выяснилось, что Вадим Петрович – так звали пассажира – ехал на юбилей к начальнице. Был делегирован от их офиса, и факт этот расстраивал его до глубины души.

– Была бы нормальной бабой, не переживал бы. Может, и сам вызвался бы. Чего же хорошего человека не поздравить? Но эта ведь стерва, каких мало, а попробуй не поздравь, не пришли представителя. Весь офис в порошок сотрет. Так уже было с Тишинкой, весь коллектив уволила и новых набрала. Да не людей, а так – людишек: лебезят, прислуживаются, доносят друг на друга. А она – ну, просто Сталин нашей компании: сплошные репрессии и никакой милости.

– Такая плохая? – Ксения засомневалась, что у плохого руководителя может быть успешный бизнес.

– Жесткая и, знаете, людей за пыль держит. Малейшая провинность – пошел вон. И все терпят. А что сделаешь? У всех обстоятельства: кому детей кормить, кому родителей. У меня вот жена инвалид, и мать жива еще престарелая. Сын, конечно, помогает, но он тоже не миллионер, своих двое, третий на подходе, так что приходится наступать на горло собственной песне. Если попрут, уже в приличное место не устроюсь. Возраст, знаете ли.

– Скажете тоже! Возраст! – Ксения изобразила возмущение. – Сколько вам? Пятьдесят пять? Пятьдесят восемь?

– Шестьдесят два, – вздохнул мужчина.

– Ерунда! – «Шкода» добралась до очередной пробки на пересечении улицы Вавилова с проспектом Шестидесятилетия Октября. – Тут и так не проехать было, а теперь со сменой трамвайных путей вообще какой-то кошмар. Ну, ничего, постоим, и вы заодно к вашей мымре попозже приедете. Если, конечно, она вас не уволит за опоздание.

– Не уволит, но рублем накажет.

– Правда?

– А то! Премии лишит, может из зарплаты вычест.

– Это законно?

– Вполне. Три опоздания – пошел вон. Сие записано во внутреннем расписании компании.

– Ну, она же не может сразу во всех офисах дежурить.

– А зачем? У нас пропуска, к автоматам прикладываем, все фиксируют: когда пришел, когда ушел, сколько времени потратил на обед.

– Не забалуешь.

– Да это как раз не страшно. Оно, может, и правильно. Много дел не переделаешь, если все начнут своевольничать и работать меньше положенного. Страшно не то, что делается, а как. Без всякого уважения к людям, понимаете? Я бы даже сказал, с презрением.

– Не понимаю, зачем терпеть, – Ксения мотнула головой так, будто хотела забодать невидимую начальницу расстроенного пассажира.

– А как иначе? Я же говорю: выхода нет. Ни у меня, ни у других.

– Выход есть всегда. Вы, наверное, просто не дошли до ручки. Вот у меня подруга, между прочим, работала экономистом, потом в бухгалтеры переквалифицировалась. У нее начальник был – ну просто оторви и брось. Сволочь последняя. У нее на руках трое детей, так она за копеечку много разных бумаг подписывала, а он потом, чуть что не так, этими бумагами ее шантажировал. Так и говорил: «Вздумаешь взбрыкнуть – сядешь. А захочешь «по собственному» написать – никто тебя бухгалтером не возьмет. У меня связи». Веди, мол, мою бухгалтерию и терпи хамское обращение. Вот козел! – Ксения нажала на клаксон. – Ну кто так ездит? Всех подрезал, чуть в бок «Мерседесу» не влетел и уехал. Просто придурок! – Она перевела дух. – Извините!

– Ничего страшного. Так что там с вашей подругой? Однажды в компанию явился очередной клиент, влюбился в нее и увел из-под гнета рабовладельца? Боюсь, мне такое развитие событий не светит. Или даже не грозит.

– Принцев на свете не так много. И сказок ждут только наивные дурочки. А подруга моя – женщина умная. Начальник ее хоть и гад порядочный, но кодекс соблюдал – отпуск предоставлял вовремя. Ну а все как? Обычно на море детишек свозить, самим погреть косточки, а Наташка – подружка, значит, – каждое лето в деревню моталась. А там не просто по грибы, по ягоды, а с пользой дела. Травы изучала и корни и местных бабок расспрашивала, рецепты в тетради записывала, а потом начала домашнюю косметику делать. Сначала, ясное дело, для себя. Ведь ни разрешений, ни сертификатов. Потом потихоньку развернулась. Компания-то

была большая, сотрудники в основном женщины – они и покупали. Кремы свежие, хорошие. Клиенты были довольны и охотно рекомендовали Наташу знакомым. Так потихоньку поставила бизнес на поток и ушла от мучителя в свободное плавание.

– Молодец! Только я кремы вряд ли освою.

– А вам и не надо. Их уже Наташка освоила. Вы что-нибудь другое придумайте.

– А что? – Пока в тоне мужчины энтузиазма не наблюдалось.

– Жена у вас лежащая?

– Нет, слава богу! По дому все делает. Она у меня умница! Готовит – пальчики оближешь.

– Вот и чудесно! И пусть готовит. Можно открыть фирму по доставке горячих обедов, можно в магазин какой-нибудь салатики строгать. Это, конечно, хлопотно: сертификаты всякие, разрешения. Но, с другой стороны, известный предприниматель тоже начинал с одного ларька, в котором сам выпекал блинчики, а теперь фраза: «Добрый день, сударыня!» – гремит по всей стране. А у вас, между прочим, сын молодой, ему тоже детей кормить надо. Неужели вы, двое сильных умных мужчин, вместе не справитесь?!

– Наверное, – не слишком уверенно согласился Вадим Петрович.

– Слушайте! – Ксения даже рассердилась. – Вот я, например, думаете, только баранку крутить умею? Я, между прочим, еще танцую в клубах аргентинского танго и плету украшения из бисера. И еще у меня две небольшие компании на аудите.

– Зачем тогда в такси работаете? Можно ведь в одну большую компанию бухгалтером устроиться и не напрягаться.

– А я люблю напрягаться. Без напряжения скучно жить. И вам, Вадим Петрович, надо чуть-чуть напрячься, и все получится. – «Шкода» остановилась у бизнес-центра возле метро «Калужская».

– Попробую, – пообещал пассажир, покидая автомобиль. Потом еще раз взглянул на водителя и недоуменно пожал плечами: – И все-таки не понимаю, зачем вы водите при таком разнообразии талантов.

– А мне нравится, обожаю водить машину. – Ксения нажала на газ и уехала. Заказ Вадима Петровича практически довез ее до дома, и она решила на этом закончить рабочий день.

– Мапочка! – Аленка вылетела на звук открывающейся двери и мгновенно забралась к матери на руки.

Муж выглянул из кухни:

– Накаталась, Шахерезада?

– Ага. Проголодалась.

– Ну, мой руки, сейчас ужинать будем.

Ксения прошлепала в ванну с дочкой на руках:

– Сейчас помоем ручки и пойдем кушать курочку.

– Ксюш? – окликнул муж. – Тебе сегодня хоть раз удалось не соврать?

– Конечно! – хвастливо прозвучало из ванной.

– Да ну? И что же такое сказала?

– Что обожаю водить машину.

Муж и дочь заговорили одновременно:

– Молодец!

– Мапочка, ты разве врешь?

– Нет, дорогая, что ты?! Я не вру, я сочиняю.

– А что ты сочиняешь?

– Сказки.

– А кому ты их рассказываешь?

- Людям.
- Зачем?
- Мне кажется, они им нужны.
- А мне расскажешь?
- Обязательно. Вот ляжешь в постельку, и расскажу.

Обещание сдержала. После ужина и череды игр уложила дочку спать и долго рассказывала о восточной принцессе Шахерезаде. Аленка слушала затаив дыхание и сама не замечала, как уснула. Мама выключила ночник и тихонько вышла из маленькой комнаты. Она прошла в другую, еще более маленькую, прилегла на кровать рядом с мужем, который читал какой-то технический журнал, и крепко его обняла.

- Чего ты? – улыбнулся муж.
- Просто ужасно рада, что никогда не была замужем за индусом и французом.
- Одновременно?
- Поочередно. – Ксения расхохоталась. – Еще счастлива, что у нас есть Аленка. Ты же знаешь, я всегда хотела девочку.

Муж кивнул и пристально посмотрел ей в глаза:

- Ну, а чем расстроена?
- Было бы неплохо, конечно, на самом деле побывать на Гоа и в Провансе, но я готова подождать.
- Так, – он загнул два пальца на правой руке. – Что-нибудь еще?
- Ага. Давай, наконец, сходим на курсы аргентинского танго.
- Три. Дальше?
- Вроде все.
- Всего три пункта? Ну, радость моя, это я тебе когда-нибудь обеспечу.

Ксения счастливо улыбнулась и закрыла глаза. Муж у нее не был ни индийским бизнесменом, ни французским виноделом. Был он простым таксистом и позволял жене иногда поразвлечься и сесть вместо него за руль. Вместо хибарки на Гоа владели они крохотной квартиркой в Москве, зато разводиться не собирались, любили друг друга и были счастливы.

- Ксюш!
- Она вздрогнула – уже успела уснуть.
- Что?
- Аленка сегодня в саду с девочкой подралась.
- Да ну? Почему?
- Та ей игрушку отдавать не хотела. Я говорю: «Это не метод. Нельзя драться!»
- А она?
- Говорит: «Буду!» Что делать?
- Книжки почитать.
- Какие?
- Гипенрейтер.
- Гипен... что? Не понял, ты о чем?
- Я о ком. Это автор такой. Известный психолог. Пишет книги, как правильно общаться с ребенком.
- Ладно, куплю тебе этого Гипенрейтера.
- Ксения засмеялась, уткнулась мужу в плечо и, перед тем как снова уснуть, тихонько прошептала:
- Лешка, дурачок ты мой, Гипенрейтер – это женщина.

Разные люди

Они познакомились совершенно случайно, вместе застряв в лифте. Она ехала к бабушке на восьмой, он – к другу на десятый. Бабушка сказала, что этот друг – «та еще шпана», а потому «все его знакомые не достойны ее внучки». Но парень был настойчив. Через неделю они уже целовались в том самом лифте, через месяц подали заявление в ЗАГС, через два поклялись друг другу и свидетелям жить долго и счастливо.

– Не протянут и года, – вынесла вердикт расстроенная бабушка.

Никто не осмелился перечить. Хотя, скорее всего, просто были согласны. Обожаемая внучка не пользовалась косметикой и заплетала волосы в длинную тугую косу. А молодой муж бил чечетку и гелем сооружал из непослушных вихров стильную прическу. Это был самый настоящий мезальянс.

Она не любила рисковать, штудировала серьезную литературу и часами пропадала в Ленинской библиотеке: готовилась защищать диссертацию по какой-то чрезвычайно важной филологической проблеме. Он восторгался романами Жюль Верна, занимался альпинизмом и готовился к восхождению на Эльбрус. Она училась в аспирантуре. Он перепрыгивал с тройки на тройку на четвертом курсе. В компаниях она молчала и сидела в углу серой мышкой, осуждающе разглядывая тех, кто курит, потягивает портвейн и выделяет на полу странные па под названием рок-н-ролл. Он выделял этот самый рок-н-ролл, подпевал «Битлам» и не упускал случая пригубить «три семерки». Она тоже любила петь: чистым голосом выводила романсы или мурлыкала что-то про белый букет ландышей. Не акапелла, конечно, а под аккомпанемент. Сама себе и аккомпанировала, раскачиваясь в такт мелодии и мечтательно улыбаясь под дивную музыку. Он громко хрипел Высоцкого, терзая гитару и заставляя бабушку вздрагивать всякий раз при ударе медиатора о струны. Та хваталась за сердце и в который раз повторяла:

– Не протянут и года.

Через год на свет появился сын. Волосы густые, как у мамы, и кудрявые, как у папы.

– Димочка, – называла она ребенка и гладила по голове.

– Митяй, – объявлял он, щелкая сына по носу.

Она боялась сквозняков и укладывала младенца спать в шапочке. Он крутил сына за руки и за ноги, называя это акробатикой, и обливал прохладной водой, ратуя за закаливание. Она мечтала учить мальчика играть на флейте. Он грезил о совместном покорении Эвереста.

Она стала кандидатом наук и устроилась работать на кафедру. Он получил диплом и объявил себя свободным художником. Она работала строго по часам, он – когда посещало вдохновение. Она копила деньги на стиральную машину, он мечтал об электрогитаре. Бабушка всем сообщала, что надеется умереть раньше того дня, когда в доме появится «это чудовищное изобретение». Появилось, и он объявил о создании собственной группы. Репетировать уезжали в гараж к его папе, чем, безусловно, продлили жизнь бабушке, которая смилостивилась и объявила, что, «пожалуй, дотянут до кризиса трех лет, но исключительно потому, что каждый занят своим делом. Он – группой, она – кафедрой, а я (бабушка) – Димочкой».

Еще через два года она приступила к написанию докторской. Объявила родным, что в ее возрасте докторами наук, конечно, не становятся, а потому процесс подготовки займет не меньше десяти лет. А он... Уехал в первое турне по российской глубинке.

– Ну, наконец-то, – объявила бабушка. – Конец близок.

Веревоочка, однако, продолжала виться.

Она была занята студентами, докладами, статьями и сбором научного материала. Его интересовали сборы клубов, площадок, а потом и стадионов. Он вплотную подобрался к

успеху. Гастроли продолжались, появились фанаты и, естественно, фанатки. Они обрывали телефон и нервно дышали в трубку. Она телефон отключала, забывала о назойливых девицах и помнила о нем. А он о ней. Тащил из поездок чемоданы подарков ей, сыну и, конечно, бабушке. Та поджимала губы и говорила:

– Грехи замаливает.

Внучка примеряла обновки, выбирала самую удачную (ту, что поскромнее) и шла в театр. С подругой. Он к театру относился с уважением, но предпочитал ему просмотр боевиков.

– В одиночестве на диване под звуки стрельбы я восстанавливаюсь лучше, чем под пьесы Шиллера, – объяснял нежелание появляться на публике.

Она согласно кивала. Шиллером не разгрузишь нервное напряжение.

– Неуч! – выказывала недовольство бабушка. – Испортит ребенка своей киношкой и музыкой.

Неуч продолжал собирать стадионы и в один прекрасный день семью от бабушки увез. Та не расстроилась. Напротив. Довольно потирала руки и говорила:

– Без меня точно разойдутся. За дитем смотреть некому, а тут еще и проблемные семь лет приближаются.

Через девять месяцев после переезда родилась дочь. Она ушла в творческий отпуск и между кормлениями и уборками учила Димочку читать. Разбирали по слогам, правда, не детские книги, а научные статьи. Через пару месяцев таких занятий Димочка, услышав плач сестренки, говорил, что «ее влияние на окружающих основано на сиюминутных желаниях, не подкрепленных никакой доказательной базой». Она смеялась и говорила, что пришла пора Димочке превратиться на время в Митяя.

Он забрал Митяя в поездку. Вернулись длинноволосыми, дурно пахнущими и счастливыми. Сын везде, где можно и нельзя, рисовал значки пацифиста, говорил, что «Битлы» – это круто, а жизнь ваще ништяк».

Она отмыла обоих. Мужу выдала тарелку борща и сверток с ребенком. Сына стригла и просила рисовать только в альбомах. А сама уехала в библиотеку. Отпуск же был творческим, а не декретным.

Иногда с инспекцией любила нагрянуть бабушка. Приезжала, конечно, тогда, когда его не было дома. Хлопотала по хозяйству, но и об основной миссии визита не забывала, призывая внучку к здравому смыслу:

– Все одна да одна. Погрязнешь в кастрюлях, никому не нужной станешь. Ему, конечно, удобно. Накувыркается в далеком далеке и является. А ты его тут ублажаешь, как домработница.

Она улыбалась, раздумывая над очередной главой диссертации, и отвечала:

– Почему «как»?

Через десять лет после свадьбы она объявила, что докторская готова, а он сказал, что собирается открыть звукозаписывающую студию. Дети ходили в школу и в детский сад, осуществлять родителям далеко идущие планы не мешали. Бабушка приезжать перестала – возраст, – но позиций сдавать не желала:

– Доктор наук и рокер! Когда же это закончится?!

Закончилось в это время много историй. Друзья расходились, распиливая имущество и детские души. Женщины жаловались на измены и невнимание мужей, не забывая подсластить горькую пилюлю вздохом:

– Твой тоже хорош. Все они...

Она с готовностью поддерживала вздох и думала, что сегодня забыла положить ему с собой на работу лоточек с супом. За годы гастролей он наездил язву, а она добилась успехов в постоянной борьбе с этой болячкой.

Мужики жаловались ему на непонимание и постоянные придирки жен, потом махали руками и говорили:

– Ладно, чего уж тут. У тебя наверняка своих проблем хватает.

Проблем хватало. Для развития студии нужны были большие вливания. Денег не хватало. Они никогда не шиковали, но за годы хорошей жизни привыкли ни в чем себе не отказывать.

– Сейчас начнется, – шептались в окружении.

Мужчина, провалившийся в мечту, и женщина, думающая о повседневных заботах: чем кормить, во что одеть и как воспитывать.

Бабушка уже ничего не предполагала. Она умерла. Внучка продала ее квартиру и отдала мужу деньги на раскрутку студии.

Шли годы. Он дневал и ночевал на работе, обкатывая аппаратуру, подписывая контракты и записывая альбомы (свои и чужие). Она защитила диссертацию и получила должность профессора в университете. Ее приглашали на конференции и симпозиумы, заказывали научные статьи. У нее мечтали учиться и умоляли учить. Димочка учил языки, как мама. Митяй играл на гитаре и занимался альпинизмом, как папа. Летом отец и сын брали снаряжение и отправлялись покорять очередную вершину. Дочь – уже не маленькая Светлана (по-маминому) и Ветка (по-папиному) – обнаружила талант в живописи и пропадала на этюдах. Уезжала с группой художников и забывала докладывать о передвижениях.

Доктор наук оставалась в гордом одиночестве и вполуха слушала «всевидающих» подруг:

– Так дальше пойдет – навсегда одна останешься.

– Если уже не нужна, потом и подавно никто не вспомнит.

– Разве заслужила такое отношение?

Она прикидывала, какой материал станет обсуждать со студентами на следующем семинаре, а подругам отвечала:

– Девочки, а не сходить ли нам в театр?

Ходили. И по выставкам, и по музеям, и по галереям. Ей было комфортно в компании давних приятельниц. Она любила разговаривать о классической музыке, поэзии вагантов и роли Гумбольдта в становлении языкознания. Муж любил ее слушать, но рассказывал о новых альбомах «Pink Floyd», сногшибательной игре Несси, противостоянии Надаля и Федерера, снегах на вершине Килиманджаро и что очередной коллега женился на «свеженьком теле». Она вздыхала – сочувствовала коллегам. С «телами» было совершенно не о чем говорить. Да и услышать от них ничего, кроме слов: лейбл, коллекция, ботокс, коррекция и фирма, было невозможно. «Тела» не ходили в театр, а ездили в Милан, но, конечно, не ради Ла` Скала.

Она тоже была там – он подарил тур. Сам, конечно, отправился с Митяем в очередной поход. Она так хотела, чтобы Димочка поехал с ней. Ведь у него второй – итальянский. Это было бы чудесным погружением в языковую среду.

– Успеется, – сказал он. – Возьми Ветку. У нее тоже погружение будет. Италия все-таки для художника кое-что значит.

Светланка неделю двигала мольберт по площади и писала Дуомо с разных ракурсов. Мама наблюдала за происходящим из уличного кафе, где все это время сидела, читая монографию известного итальянского филолога. Милан обеим очень понравился.

Дети выросли. Димочка писал стихи: и свои, и переводы. Его публиковали и приглашали читать лекции. Митяй стал отличным звукорежиссером и работал у отца в студии (конечно, тогда, когда Димочка был свободен от обязательств). Ветка писала картины и пыталась строить из себя свободного художника. Получалось плохо, потому что Светлана в двадцать лет выскочила замуж и родила близнецов.

Дед брэнчал внукам на гитаре и вопил: «Перемен требуют наши сердца...» Бабушка перебирала клавиши пианино и тихим голосом выводила: «Отцвели, ах уж давно...» Светлана жаловалась на жизнь и требовала помощи. Это происходило тогда, когда Ветка не заходила в истерику и не вопила, что «родители ничего не понимают в жизни».

Отец говорил, что «надо показать ей, где раки зимуют». Мать просила оставить дочь в покое, утверждая, что та просто устала. Уставшая развелась через два года. Светлана рыдала на плече матери и жаловалась, что муж живет своей жизнью, не обращает на нее никакого внимания и занят только своими интересами. Мать гладила ее заплаканные щеки и повторяла:

– Ничего. Бывает.

Отцу Ветка с раздражением объясняла, что жить с человеком, который автомобилями интересуется больше, чем картинами Куинджи, невозможно. Он обнимал ее и примирительно говорил:

– Да-да. Конечно. Как я тебя понимаю!

Стали поднимать внуков. Он водил их на футбол. Она – в музыкальную школу. Он рассказывал об Элвисе Пресли, она – о Шостаковиче. Он говорил, что надо уметь постоять за себя, она уверяла, что драться нехорошо. Он ездил с ними в отпуск на рыбалку в Астрахань, на Байкал, а то и на Гавайи. Она говорила, что в Астрахани была много раз, на Байкале замучают комары, а на Гавайях испепелит солнце, и оставалась на даче. Она давно мечтала о «тихой, зеленой гавани», и он как-то сделал к ее очередному юбилею царский подарок: участок с готовым срубом. На улице – беседка и зеленый газон. Внутри – застекленная терраса и резной балкончик. На газоне она развела грядки и посадила цветы. Балкон украсила виноградной лозой. Он сидел с удочкой в лодке посреди Тихого океана. Она лежала в гамаке в тени подмосковных сосен и читала очередную работу аспирантов.

Иногда приезжали дети: Димочка с женой и Ветка с очередным кандидатом в спутники жизни. Димочка был женат надежно и прочно. Она говорила:

– Я знала, что Димочка – хороший мальчик.

Муж вторил:

– Митяй – наш человек.

Детки, правда, никак не получались, но тут вмешиваться не станешь. Сами пускай разбираются.

Светланка, напротив, скакала от кавалера к кавалеру и постоянно предъявляла претензии. Один не любил Моэма, другой ничего не слышал о Шагале, третий любил красное вино больше белого, четвертый по воскресеньям навещал маму.

– Чего же ты хочешь? – недоумевали родители.

– Хочу, как у вас с папой, – требовала Ветка-Светланка.

– Ясно, – говорил он.

– Понятно, – отвечала она.

И только подругам, науськанным еще бабушкой, подругам, что давно разошлись с одними, вышли замуж за других, а романы крутили с третьими, по-прежнему было ничего не понятно.

– Он там – ты здесь. Так и просидишь всю жизнь на своей даче?

– Здесь хорошо, – отвечала она. – И близнецам Коле и Косте нужен свежий воздух.

– Что-то не торопится муженек в это хорошее место.

– Рыбу ловит.

– Славный у него, должно быть, улов.

– Должно быть.

Улов привозил большой. Она солила, коптила, морозила. Потом распорядилась: «Колю на фортепиано, Костю на скрипку».

– А ты? – муж спрашивал для проформы. Знал ответ.

– В библиотеку. У меня доклад.

Возвращалась счастливая. Сыпала цитатами из нового труда и грезила очередным научным открытием.

– Молодец! – хвалил он и тоже отдавал распоряжение: «Костю на карате. Колю на тхэквондо».

– А ты? – ее очередь спрашивать.

– На студию. У меня запись.

Он записывал. Она писала. Он пел в России, Израиле, Германии, Америке. Она там же читала доклады. Они посещали одни и те же страны, но в разное время. Они увлекались противоположными вещами и интересовались совершенно не схожими областями жизни. Она верила в Христа, он был атеистом. Ему было все время жарко, она постоянно мерзла. Он любил крепкий кофе, она предпочитала чай. Он обожал шумные компании, она – тихие семейные вечера. Не жизнь, а сплошной компромисс. Их все время разводили, а они были счастливы. Вместе.

А потом он умер. Внезапно. Прямо у грядки, где цвели ее любимые флоксы. Не зря терпеть не мог дачу. Она бы хотела ходить на могилку, но он просил развеять прах по ветру. Она исполнила его волю, в первый и последний раз наступив на горло собственной песне. После села в кресло и не захотела вставать. Окружающие возмущались и не понимали, что происходит.

– Всю жизнь прекрасно без него обходилась, а теперь-то чего потерялась? – шептались подруги.

– Ладно бы горевала о том, кто пылинки сдувал, а то ведь работой дышал, а не женой. Ни к чему убиваться, – твердили его друзья.

Волновались и дети:

– Мама, сходи в библиотеку!

– Мама, сделай доклад!

– Съезди на конференцию!

– Проведи семинар!

– Подготовь к поступлению!

– Прочитай монографию!

– Съезди на дачу!

– Посади цветы.

Цветов сажать не стала, дачу продала. Подарила деньги Светланке на открытие первой выставки. Из кресла вылезла. Вытащили внуки. Разве забудешь: «Костю на карате. Колю на тхэквондо»?

Веткины-Светланкины картины начали продаваться. Она стала известной художницей. В профессии была успешна. В личной жизни – несчастна.

– Как же так, Светочка? – спрашивали назойливые научные дамы – мамы подруги.

– Ищу такого, как папа, – отвечала она.

– Зачем?! – пугались они. – Чтобы все время где-то пропадал? Чтобы слушал свой ужасный рок? Чтобы ловил – душегуб – эту проклятую рыбу? Чтобы жарился на солнце? Чтобы висел на скалах? Чтобы учил мальчишек по своему разумению, а не по науке?

– Почему бы и нет?

– А ты? Что будешь делать ты?

– Писать картины.

– Глупости! Так не бывает!

– Бывает!

– Если ты о родителях, то это лишь странное исключение из правил. Уж слишком разные люди.

– Но ведь они были счастливы, – говорила строптивая Ветка.

– Не знаем, не знаем, – отвечали вредные тетки.

А мнительная Светланка отправлялась к матери:

– Мамочка, вы ведь были счастливы с папой?

– Конечно. Очень.

– А как? Почему? Вы ведь были настолько разными. Как же вам удалось прожить столько лет вместе?

Она молчала какое-то время. Смотрела на его портрет, что стоял на книжной полке, закрывая собой все ее монографии. Смотрела долго. Нежно. Пронзительно. Так, что только слепой мог не заметить в этом взгляде бесконечной, глубокой любви. Так, как привыкли они смотреть друг на друга в течение всей жизни. Смотрела, а потом отвечала:

– Доченька, я не знаю.

Прорвемся, малыш

Нина вошла в квартиру и, бросив чемодан у двери, опустилась на пол. Гнетущая тишина родного дома сковывала ледяным холодом. Пустота наводняла и пространство, и душу, и мысли. Из зеркала на противоположной стене смотрела старуха. «Всего пятьдесят пять, – подумала она, – а ни одной мечты, ни одного желания. Нет, одно все-таки есть: помыться после самолета. Но это пустое, мелкое, будничное. А настоящего, большого, значимого больше не хочет. Ничего не хочет». Нина рассматривала ввалившиеся глазницы с черными кругами под нижними веками. Конечно, дал о себе знать восьмичасовой перелет, но все же лицо хранило печать не только усталости, но и всей не слишком счастливой жизни. А ведь так хорошо, легко и безоблачно все начиналось.

Нина была любимой дочерью. Даже обожаемой. Мама просто любила, а папа по-настоящему обожал. Она была принцессой, королевишной, красавицей, куколкой и самой лучшей доченькой на свете. Несмотря на такое буквально подобострастное отношение, покладистый характер Нины ничуть не испортился. Она росла неизбалованным и миролюбивым ребенком, не конфликтовала со сверстниками, а если ее все-таки обижали, никогда не могла ответить тем же. Напротив, любая неприятность заставляла ее переживать, плакать и бежать за помощью. А бежать – она знала – было к кому. С того момента, как Нина себя помнила, папа стоял за ней мощной глыбой, готовой при первой необходимости выступить на передний план и закрыть собой «королевишну» от любых превратностей судьбы. И она этим пользовалась постоянно.

– Вот. – Пятилетняя девочка стояла перед отцом, размазывая по щекам слезы и выставив вперед коленку с порванными колготами.

– Почему принцесса рыдает?

– Вот! – Приподняла ногу и шмыгнула носом.

– Больно, красавица?

– Не-е-ет.

– А отчего слезы?

– Мама сказала, что больше таких колгот не купит. Они дорогие и на мне горят. Потуши, папа, потуши!

– Не плачь, золото. Она имела в виду, что надо быть аккуратнее. У тебя что ни день, так рваная одежда, будто ты не в детский садик ходишь, а на войну. – Он чмокал Нину в покрасневший нос и трепал по щеке, сажал на колени, шептал в ухо, щекоча мочку темными усами: – Мама пускай не покупает. Я буду, договорились?

– Договорились! – Радостная дочь чмокала его в ответ. – А от мамы секрет?

– Секрет.

– Узнает – наругает.

– Ничего. Прорвемся, малыш!

Проблемы с колготами выросли до проблем в учебе, в отношениях с друзьями и с кавалерами. Но стоило выговориться отцу и услышать неизменное: «Прорвемся, малыш!», как все невзгоды мельчали и отступали, а жизнь вновь становилась легкой, беззаботной и прекрасной. Папа обсуждал с ней тенденции моды, кулинарные изыски и тему полового созревания. С ним она готовилась к поступлению в институт и к первому свиданию. От него узнала об открытиях Менделеева, самоубийстве Есенина и пользе презервативов. Папа был верным соратником и отличным помощником абсолютно во всем.

Нина платила отцу сторицей. Шагу не могла сделать, чтобы не спросить совета. По любому пустяку спешила сначала узнать его мнение, а потом принимать решение. И всегда поступала так, как подсказывал папа. Нет, он не настаивал на своем, никогда не пытался

сломать дочь или специально усилить влияние. Это получилось само собой. Папа был безоговорочным авторитетом. Мама сердилась, говорила:

– Отпусти поводок. Она без тебя дышать не сможет.

– Сможет. – Папа смотрел на девушку влюбленными глазами. – Куда денется. Всеу свое время.

Время пришло, когда ей исполнилось девятнадцать. Новое знакомство в компании друзей выросло в большое серьезное чувство. Молодой человек Вадим был из тех, о ком никто и никогда не сказал бы: «Душа компании». Он был молчалив, серьезен, несколько вальяжен и настолько не походил на тех веселых балагуров, с которыми Нина привыкла проводить время, что своей исключительностью пленил ее буквально за один вечер. Роман развивался стремительно. Конфетно-букетный период уже через пару недель перешел к активному обсуждению планов на совместное будущее. Впервые дочь не просто не слушала, но даже не интересовалась папиным мнением. Нет, после знакомства она, конечно, спросила родителей, понравился ли избранник. И глаза так горели тем особенным светом, которым сияют глаза безусловно влюбленной девушки, что они не осмелились произнести ничего такого, что могло бы расстроить драгоценную принцессу.

Тогда Нина убежала провожать кавалера до метро и не видела, как мама тихонько плакала на кухне, и не слышала, как папа, нежно поглаживая плечо жены, шептал:

– Прорвемся, малыш.

Прорываться, однако, пришлось самой. Сразу после свадьбы, которая случилась через несколько лет, муж, закончивший медицинский институт, получил распределение в Якутию. Наивная и окрыленная чувством девушка была охвачена романтическим волнением по поводу предстоящего переезда. Все казалось новым, неизведанным и от этого сказочно волшебным. И напрасно родители уговаривали не спешить, закончить институт (третий по счету: не складывалось у Нины с высшим образованием), она взяла очередной академический отпуск и упорхнула вслед за любимым.

Волшебство закончилось с первыми морозами, привычными для жителей Севера и совершенно невероятными для людей, столкнувшихся с такими холодами впервые. К тому же первую зиму переживать пришлось не одной, а с двухмесячной Лариской – девочкой капризной, беспокойной и очень болезненной. Папа-врач отдавал указания, как и чем лечить, и отправлялся на бесконечные дежурства в больницу, оставляя Нину в одиночестве воевать с постоянно сопливой дочерью. А мама варила травяные отвары, привязывала к кулечку с ребенком грелку, шесть раз в день промывала дочери нос, четыре раза меняла ушные компрессы, три раза вливала сироп от кашля и постоянно носила на руках.

К полугоду Лариска перенесла пару бронхитов, несколько отитов и два воспаления легких. Походила девочка на крохотного червячка, которого забывали кормить. И это при том, что Нина только и делала, что отваривала овощи, жала соки, выращивала гриб, из которого получался неплохой творог, и с утра до вечера пыталась впихнуть в несносную дочь хотя бы одну лишнюю ложку, хотя бы одну бесценную каплю молока.

Молоко, кстати, текло рекой, и «заботливый» муж заставлял ее лишний раз вскакивать среди ночи и сцеживать бутылки, которые наутро сдавал в родильный дом, естественно, не безвозмездно. Нина, впрочем, от такой «заботы» не страдала. Она была рада помочь детишкам, волею судеб появившимся на свет в условиях, далеких от идеальных. Она сцеживала, и кормила, и готовила, и стирала, и кипятила, и лечила, и успевала строчить пеленки, шить какие-то чепчики из лоскутков, и, стоя, засыпая у колыбели, уверенно говорила: «Прорвемся, малыш!» Главное, ни словом, ни взглядом не упрекала мужа за его увлеченность профессией. Распределение есть распределение. А следовать за ним – ее выбор, Нинин.

Последствия выбора не заставили себя ждать. К концу зимы она походила на такого же червячка, как и грудная дочь. Одежда на молодой девушке висела, глаза ввалились, аппетит

пропал. Вадим, конечно, не испытывал восторга от мысли о грядущем одиночестве в далеком Якутске, но все же принял волевое решение:

– Тебе надо возвращаться в Москву.

– Нет! – Даже мысль о разлуке представлялась ей концом света. – Не хочу с тобой расставаться!

– Не уедешь – расстанемся навсегда.

– Почему? – ошарашенно спросила Нина.

– Я после распределения в Москву вернусь, а ты тут останешься.

– Почему?

– На кладбище. – Вадим был истинным медиком. Нюни не распускал и не ходил вокруг да около. Удара не смягчал – называл вещи своими именами. Это действовало. Мысль о скорой кончине радужной Нине не казалась. Скрепя сердце она согласилась уехать и уже через неделю выходила с драгоценным пищащим свертком из дверей московского аэропорта.

Мама сгребла ее в охапку и заплакала. Папа просто смотрел, заглядывая в зыркающий темными глазами кулек и, еле сдерживая дрожь в голосе, обещал:

– Прорвемся, малыш!

Через месяц такого прорыва она стала здоровой, румяной молодой девушкой, про которых в народе говорят: «кровь с молоком». Лариска в менее суровом климате тоже как-то выправилась, вылезла из болячек и незаметно превратилась в Ларочку. Сидеть с внучкой папа поручил супруге.

– Нинуше надо отдохнуть и восстановиться в институте, – сказал он, ведь самым серьезным ударом в отъезде дочери для него стал декретный отпуск. Он боялся, что «замужество засосет и оставит без образования», но Нина не подвела: доверила дочь бабушке и начала посещать лекции.

К вручению диплома в отпуск приехал Вадим. В гости забежал на пятнадцать минут. Неловко чмокнул заоравшую Ларочку – отец был усатый, небритый и поэтому страшный – и, пряча глаза, объявил Нине, что из Якутска, наверное, не вернется, потому что там предлагают место заведующего отделением, а в его возрасте – это прорыв в карьере. К тому же на Севере зарплаты гораздо выше. Так что жену и ребенка сможет обеспечивать оттуда гораздо лучше. Нина пыталась сопротивляться:

– Я теперь тоже буду работать. Жить станет легче.

– Нин, там я величина, а здесь стану мальчиком на побегушках. Кто я такой? Нет и тридцати. Молодой специалист, и этим все сказано. Пойми, там передо мной открыты все двери.

Супруга помолчала, а потом усмехнулась:

– Догадываюсь. Наверное, и стучать не надо. Сами распахиваются.

Вадим отвел глаза, и она объявила:

– Развод!

Мама потом возмущалась:

– Ты в своем уме?! Он же положительный до мозга костей. Ты же любишь его. Разве можно разбрасываться такими мужиками?!

Дочь все понимала. И любила, и страдала, и ревела ночами, но простить не могла. Либо все – либо ничего. Такой характер.

– Ну, ты хоть скажи! – Мама зывала к папе. – Устраивает тут безотцовщину! Ну, молодой же мужик. С кем не бывает!

– С кем-то, возможно, и бывает. А с ним так будет все время, – твердила Нина.

– Да с чего ты взяла?!

– А как иначе? Он там – я здесь. Разве это жизнь?

– О ребенке подумай!

– Так я и думаю. Торчу здесь.

Мать умоляла отца:

– Ну, скажи же своей упрямой дочери! Останется ведь с ребенком на руках. Что за жизнь-то начнется?

И он говорил:

– О себе думай, дочка! А жизнь... Жизнь наладится. Прорвемся, малыш!

... – Наладится? – спросила Нина у отражения в зеркале.

Чужая женщина смотрела на нее из холодной глубины усталыми, потухшими глазами. Лицо осунулось и приобрело какой-то серый, землистый оттенок, спина сгорбилась, руки висели плетью. Она с силой оттолкнулась от пола и тяжело поднялась. Непослушными пальцами развязала шнурки кроссовок, скинула куртку и тихо, крадучись, будто боялась кого-то разбудить, прошла на кухню. Включила свет и рухнула, нырнула в гнетущую, удушьящую тишину. Некого будить, некого пугать, некого любить. Схватила стоящую на столе вазу и шваркнула об пол. Один из осколков вонзился в босую ногу, и на какое-то время боль физическая заглушила ту другую, что тисками сжимала сердце.

Кое-как остановив кровь, Нина доползла до спальни. Прямо на пол скинула одежду и забралась в кровать.

– Спать, спать, спать, – шептала себе. Сон не желал повиноваться. Женщина ворочалась, вставала, хромала по квартире, смахивая пыль с фотографий и собственной души, снова ложилась, но глаза не желали смыкаться. Желанное забытие не наступало. Прошное будоражило и не желало отпускать, пока Нина не смирилась и снова не нырнула в воспоминания.

...После развода жизнь наладилась папиными стараниями. Дочь устроил на отличную работу, Ларочку – в ведомственный детский сад. Отец по-прежнему был и кольчугой, и жилеткой в одном лице и, кажется, даже радовался, что удалось вернуть утраченные позиции. В этом было его счастье – заботиться о своих принцессах. А то, что принцессу обманул принц? Так он и не был принцем вовсе. Молодой человек ему изначально не нравился. Молчаливый какой-то. И тихий слишком. И вообще, его королевшна достойна совсем другого.

– А почему раньше не говорил? – удивилась Нина.

– Ты не спрашивала.

– Буду.

Обещание держала. Теперь каждый из претендентов на ее сердце, коих было немало (она была умна, обаятельна и хороша собой), проходил строгий контроль у папы. Точнее, не проходил. Один был слишком инфантилен. «Что ты, лошадь – на себе воз тащить? Тягачом мужик должен работать!» Другой слишком требователен. «За Можай мою девочку загонит. То будет не так, то не эдак. Уже сейчас критикует: волосы перекрась, это сними, то надень». Третий как-то косо смотрел на Ларочку. «Своего ребенка получит – начнет малышку шпынять. Куда это годится?» Четвертый не устраивал, потому что... Просто, потому что не устраивал. Разве нужны аргументы? Все равно так, как папа, никто его рыбку холить и лелеять не будет.

– Ты девочке жизнь ломаешь, – упрекала мужа супруга.

– Я? – изумлялся он. – И не думаю. Просто учу выбирать лучшее.

– Лучшее – враг хорошего.

– Это штамп.

– Это правда жизни.

Но папа не соглашался. И Нина, ошибившись один раз, признавала за отцом безоговорочную правоту во всем. Он был идеалом, а другие до него не дотягивали. Папа был заботливым: поил малиной, если поднималась температура, и записывал к парикмахеру, когда наступало время обновить прическу. Он заплетал косы Ларочке и никогда не забывал позво-

нить с работы и спросить, каких продуктов купить. Нина едва поскользнулась, а папа уже стелил соломку там, куда она могла бы упасть, оступившись.

– Что-то спина побаливает. Пойду прилягу, – сказала как-то.

– Не ложись! Сейчас сядем в машину и поедem к врачу! – тут же гремел ключами от автомобиля папа.

– В выходные пойдем Ларочке сапожки покупать. Ножка выросла, – говорила дочь.

Уже к четвергу у девочки стояли три пары новенькой обуви, купленной обожаемым дедом.

– Ты что-то устала, Нинуля, синячки под глазами, – замечал он, пристально рассматривая уже не юное лицо дочери.

– Работы много.

И на следующий день перед ней лежала путевка в санаторий.

– Езжай отдохни, на работе договорюсь.

Из санатория она вернулась отдохнувшая, счастливая и беременная. Имя отца ребенка назвать отказалась, объяснив тем, что тот женат:

– Зачем человеку проблемы?

– Аборт! – настаивала мама. – Тебе проблемы тоже ни к чему!

– Ни за что! – отрезала Нина.

– Кому нужна будешь с двумя детьми?! Ведь тридцать уже. Не девочка. О себе подумай. Ну, скажи ты ей! – Мама, как обычно, взывала к папиному благоразумию.

Но королевишна хотела оставить ребенка. А потому ласковый взгляд и, как всегда, уверенное:

– Прорвемся, малыш!

И на душе сразу стало легко, радостно и спокойно. Папа поможет, решит, сделает. Жизнь как-нибудь наладится.

Наладилась очень даже неплохо. Ларочка пошла в детский сад. Нина с мамой воспитывали малыша, названного в честь деда Максимом. А старший обеспечивал семью.

Был разгар перестройки. Как и многие еще не старые партийные функционеры, отец не упустил шанса по-настоящему разбогатеть. Из директора предприятия превратился во владельца и объявил, что «теперь спокоен за будущее дочери и внуков». Рано радовался. Решил, что новые времена – новые нравы. Думал, что эпоха, в которую тебя в одну минуту могли оставить и без должности, и без средств к существованию, и без доброго имени, осталась в далеком прошлом. Ошибался. А потому не сумел пережить очередной попытки рейдерского захвата своего детища. Не справился, потому что подвело расшатанное нервной работой здоровье.

– Обширный инфаркт, – объявил Нине врач. – Готовьтесь.

– К чему?

– К худшему.

Она сидела в реанимационной палате, держала уходящего отца за руку и думала о том, как жить дальше. Ресницы уже мертвенно бледного человека дрогнули, с губ слетело сипение:

– Прорвемся, малыш!

Папы не стало. Как и куда теперь дочь будет прорываться, оставалось загадкой. Предприятие, на котором числилась заместителем, отобрали и с занимаемой должности, ясное дело, попросили. Хорошо, что выделили деньги на похороны, а также единовременное пособие жене и дочери бывшего владельца.

– Приличные люди, – говорила мама.

– Приличней не бывает, – соглашалась дочь, глотая злые слезы обиды.

За широкой, могучей спиной отца не научилась размахивать кулаками. Не умела драться, не могла за себя постоять. Деньги в тумбочке таяли не по дням, а по часам, но выхода из положения так и не намечалось. Заместителем руководителя она только числилась. Все говорила, что надо бы входить в курс дела, учиться управлять заводом и людьми. Но то Максимка заболел, то Ларочка, то необходимо пройти очередной курс омолаживающих процедур (и не в Москве, а непременно в Баден-Бадене), то на горизонте появлялся новый поклонник и приглашал прошвырнуться в Ниццу или в Монако (на меньшее теперь не соглашалась – папа не советовал (он же не знал, что те, кто предлагает прошвырнуться куда-либо, этим в своих предложениях и ограничиваются, и от географии подобных предложений не зависит ровным счетом ничего).

В общем, дел хватало. Не было только одного – настоящего, – того, которое позволило бы спать спокойно, а не проводить ночи, упершись взглядом в потолок (лепнина итальянская, цоколь французский) и размышляя о том, чем она будет кормить детей. Нина провела две недели без сна, а потом провалилась в забытие. И там, в сладкой, легкой неге, увидела живого, сильного, улыбающегося папу, который приветливо махал рукой и почти кричал обычное «прорвемся». На следующий день ее пригласили к нотариусу, от которого она вышла с доверенностью на распоряжение банковской ячейкой отца.

Там обнаружили деньги. Много. Которых с лихвой должно было хватить на решение проблем. У Нины в голове тут же закрутились планы на летний отдых детей, больницу и восстановительный санаторий для мамы, а также на хорошего адвоката, который мог бы дать бой захватчикам предприятия. Но как возникли, так же и испарились. Отдохнуть и восстановить силы можно было и на даче, а адвокат (даже самый лучший) рисковал дело проиграть. При всей своей легкости и привычке прятаться от жизненных невзгод за спиной отца девушка была отнюдь не глупа. Она не хотела больше ни бессонных ночей, ни тяжелых мыслей, которых теперь и так хватало. Слишком большой, невосполнимой стала постигшая ее утрата. Папа был всем: и отцом, и другом, и защитником, и той опорой, без которой страшно пошевелиться. Боялась и теперь, а потому решила быть осторожной и, рассудив: «Береженого бог бережет», раскидала деньги по банкам, собираясь существовать и растить детей на положенные проценты, что обещали быть вполне приличными.

Так бы оно все и случилось... В Америке, или в Англии, или в Германии. А в России грянул кризис девяносто восьмого года, и Нина в одно мгновение осталась ни с чем. Все было бы не так печально, если бы после номинального увольнения с предприятия она бы устроилась хотя бы на какую-то работу. Но нужды не было и, справедливо рассудив, что детям нужна мать, девушка осталась при них. Водила в кружки и секции, работала в школьных родительских комитетах и буквально растворилась в Ларочке и Максимке, совершенно забыв о себе. Какие-то мужчины появлялись на горизонте, но, мелькнув яркой (или не очень) вспышкой, снова исчезали. И не потому, что Нина решила больше никогда и ни с кем. Просто планка была слишком высока. Ни один не дотягивал до идеала в лице отца. Все норовили отнестись к ней как к земной женщине, и никто не хотел видеть королевишну. Хотя выглядела она очень неплохо: была еще достаточно свежей, ухоженной и подтянутой. Волосы сияли ярким каштановым оттенком, а в глазах плясали веселые искорки. Такие, какие вполне могут появляться в глазах беззаботных принцесс.

Но теперь принцесса грозила превратиться в нищенку. От капиталов остались жалкие крохи. А в общем ничего не осталось. Весь капитал – двое детей да мама, которая в последнее время не вылезала из болячек. Переезжала из одной больницы в другую, только и сообщая дочери:

– Нинуля, я договорилась, меня положат. Ты уж разберись с врачом.

И она охотно разбиралась. Протягивала пухлые конвертики, совала купюры в карманы белых халатов, доставала из пакетов объемные коробки дорогих конфет и скупала в магази-

нах бутылки фирменных французских коньяков. Маме ставили капельницы, корректировали давление, «подвинчивали» суставы – в общем, по ее собственному выражению, «держали в тонусе».

Но пару месяцев назад тонус стал резко падать и закончился инсультом. Прогнозы в целом были благоприятные, но нужна была хорошая сиделка, отменный массажист и опытный логопед, и все эти специалисты стоили денег. Немалых, которых не было. Впрочем, необходимость ломать голову, какими правдами и неправдами поставить маму на ноги, вскоре отпала. Та умерла, избавив дочь от одной статьи расходов, но своей смертью мало облегчила тяжелое положение. С какой-то стороны даже усугубила: ведь на похороны пришлось собрать последние крохи, что оставались от роскоши былых времен. Мама заслужила достойные проводы и красивое прощание. А Нина была хорошей дочерью.

Ночь после поминок снова провела без сна. Гости, пришедшие накануне, конечно, оставили несколько конвертов, на которые можно было в режиме строжайшей экономии существовать месяц-полтора. Но дальше... Дальше надо было искать решение. У Ларочки плавание и гимнастика. У Максима теннис и художественная школа. Еще репетиторы по английскому и математике, кафешки, киношки, игрушки. А еще еда и одежда. Какое тут кино, если денег нет даже на еду? Жизнь это, а не кино. Только почему же эта жизнь такая паршивая?

На следующее утро Нина отвела детей в школу и, обложившись газетами, начала искать подходящие варианты зарабатывать на жизнь. Конечно, высшее образование получила, но по специальности никогда не работала, да и денег эта специальность особых принести не могла. Очень быстро она поняла: ее удел – работа курьера, продавца палатки, распространителя или няни в семью, где не требуют специального образования. Последнее было бы неплохим вариантом, если бы собственные дети не требовали пристального внимания. Нине нужна была работа на полдня, но, как правило, профессии, предполагающие гибкий график, предполагают предварительное обучение, на которое не было ни времени, ни денег. Она сидела над газетой и плакала от бессилия. Детям придется проститься со спортом и заботиться о себе самим. И если мать не найдет выхода, то и дочь будет вынуждена искать подработку. Тогда, может быть, вдвоем поднимут Максимку. А иначе... никак.

Да, Ларочкин отец исправно платил алименты. Но на эти деньги никак нельзя было жить, тем более втроем. Нина подозревала, что у такого хорошего врача, которым был ее муж, должны быть еще какие-то доходы помимо официальной зарплаты, но язык никогда не повернулся бы попросить больше, чем давали. Во-первых, гордость. Во-вторых, у бывшего на Севере давно новая семья, трое детей, у которых не хотелось ничего отнимать. Нина понимала: там тоже ни одна копейка лишней не будет. Надо было искать другой выход. Конечно, можно было продать квартиру и найти жилье поменьше и попроще. Но за срочность много не доплатят, да и недвижимость есть недвижимость. Обидно лишать детей такого наследства. Обидно. Очень. Ужасно. Обидно и плохо. Плохо и тошнотворно. Спазмы подступали к горлу и душили Нину. И в это время раздался звонок в дверь.

На пороге стоял старый друг отца. Девушка удивилась – он был вчера на похоронах.

– Забыли что-нибудь, дядя Миш? – спросила она.

– Наоборот, дочка, вспомнил. – И протянул какие-то ключи. – Батя твой просил передать, когда матери не станет. Все-таки он был достойным мужчиной и никогда не хотел причинять ей боли.

– О чем вы? – Нина растерянно вертела в руках железную связку.

– Это квартира твоего папы. Теперь твоя, стало быть.

– Папы? – Нина была ошарашена. – Я никогда не... Я думала, кроме этой, ничего нет. Почему мы ничего не знали?

– Ну... – дядя Миша замялся, – вам и не надо было знать, понимаешь?

– Нет.

– Ну, не надо было маме знать об этой квартире. Теперь понимаешь?

Она медленно кивнула. Во рту пересохло. Слипшимися, непослушными, какими-то чужими губами еле произнесла:

– Понимаю.

– Вот Максим так и говорил: «Не так за жену переживаю, как за дочь. Узнает – горевать будет». А ты не горюй. Что он там делал – в квартире этой? С кем встречался? Не твоего ума это дело. Тебе надобно знать, что квартира твоя. Владей, так сказать, и распоряжайся. Хочешь – продай, хочешь – сдавай, – и протянул свернутый листок бумаги. – Я тут адресок написал.

Через два часа Нина открывала ключами дверь квартиры по указанному адресу. Реальность превзошла все ожидания. Квартира оказалась трехкомнатной с отличным ремонтом и со всем необходимым оборудованием. В шкафу обнаружила несколько пар тапочек – одни мужские и несколько женских, – комплекты постельного белья и набор посуды, в баре бутылки французского вина и шампанского, в спальне на тумбочке свою фотографию (отец не хотел ни на секунду расставаться с любимой дочерью), а на кухонном столе письмо, адресованное ей. «Нинуле», – было написано на конверте уверенным, прямым почерком отца, и она вскрыла конверт:

Моя дорогая!

Не знаю, простишь ли меня за эту маленькую ложь... Поверь, для тебя она действительно маленькая. Ведь тебе, моя принцесса, я был верен всегда. Не грусти, королевщина, и будь счастлива.

Папа.

– Папа, папа, – Нина укоризненно покачала головой, а потом еще раз прошла по квартире и почувствовала, как грусть и растерянность превращаются в радость и благодарность родному человеку, который продолжает заботиться о ней даже из небытия. – Папа, папа, – снова сказала Нина. – Спасибо.

Голодные времена откладывались. Она сдала квартиру. К тому же горький опыт научил: всегда должен быть запасной вариант. Постоянно существовать на блага, дарованные с небес, рискованно. В одно мгновение рискуешь остаться ни с чем. Нина стала искать работу и вскоре нашла: устроилась администратором в салон красоты. Во-первых, рядом с домом, во-вторых, удобный график – два через два, и можно как-то устроить детские занятия, в-третьих, хоть какая-то уверенность в завтрашнем дне. Ведь квартира может сгореть с таким же успехом, как и банковский вклад.

Нине исполнилось сорок. Ларочке – пятнадцать. Максиму – десять. Дети были достаточно взрослыми, чтобы самостоятельно перемещаться в пространстве и не испытывать нужды в постоянной материнской опеке. Женщина вспомнила о себе. Новая работа была отличным стимулом совершенствовать собственную внешность. Персонал салона в свободные от наплыва клиентов часы оттачивал мастерство друг на друге и, конечно, на администраторах. У нее теперь всегда был отменный маникюр, великолепная укладка и отличный цвет лица. Появились и поклонники.

С одним просто кокетничала и всякий раз после встречи чувствовала, как поднимается настроение. Флирт делал свое дело. Со вторым несколько раз ходила в кино, но взаимный интерес быстро пропал. Кавалер начал раздражаться от того, что Нина могла ходить только на утренние сеансы (пока дети в школе), а ее стал раздражать сам кавалер. Третий дарил шикарные букеты и сыпал комплиментами, но она не воспринимала его всерьез.

А потом... Потом познакомилась с ним. Сергей был бывшим спортсменом, а теперь владел собственным клубом по обучению карате. В свои пятьдесят выглядел лет на десять моложе. Был строен, подтянут и, самое главное, совершенно свободен. Лет пять жил холо-

стяком, оставив в бывшей семье мальчика – ровесника Ларочки. С ребенком, конечно, общался и все время показывал Нине его фотографии. Мужчина приходил в салон стричься. А после долго стоял у стойки администратора, болтал о всякой всячине, сыпал шутками и рассказывал, куда они с сыном ходили и что видели. Нина слушала с улыбкой и даже с небольшой завистью:

– У меня редко получается так выбираться. В нерабочие дни хлопочу по хозяйству.

– Да-да. Муж, дети.

– Мужа нет. – Нина густо покраснела. – А детей двое.

– Двое?

Краска спала с лица. Ей было нечего стесняться. Дети – это счастье. И если Сергея пугает эта новость, что ж...

– Двое – это прекрасно! – И без того добродушное мужское лицо расплылось в улыбке. – Давайте сходим куда-нибудь вместе. Мой и ваши. Хорошая компания.

Нина ушам не верила. Впервые в жизни встретился мужчина, который проявлял интерес к ее детям. Даже Ларочкин папа, приезжая в Москву, уделял девушке часа два-три, во время которых больше рассказывал о себе, чем слушал собственную дочь. Все имевшиеся поклонники думали прежде всего о себе. Потом тоже о себе, снова о себе, затем о себе и после опять о себе, и уже напоследок, может быть, походя, о ней – о Нине. О детях никто не вспоминал. «При чем тут дети? – удивлялись они. – Есть мужчина и женщина, и этого достаточно». А ей этого мало. И вдруг выяснилось, что на свете есть человек, которому дети не кажутся помехой личному счастью, а являются его естественным продолжением. Такие люди почему-то не встречались. Но такой была она сама. И таким был любимый папа. Нина была счастлива.

– Давайте сходим, – согласилась женщина. – А куда?

Сергей посмотрел многозначительно, наклонился к самому уху и сказал:

– Куда пожелает моя принцесса.

И снова в лицо ударила краска. Он, конечно, заметил, но сделал вид, что ничего не произошло, только добавил:

– Хотя вы вовсе не принцесса.

Хотела согласиться, сказать, что, конечно же, не принцесса, а самая обычная, обыкновенная, совсем не юная и перегруженная заботами одинокая женщина, как вдруг услышала:

– Вы – королевишна.

И пропала окончательно.

В следующие несколько месяцев они вместе с детьми катались на роликах и коньках, играли в боулинг, ездили на скалодром и ипподром, ходили в кино, театры, музеи и рестораны. В общем, вели активный образ жизни полной счастливой семьи. А летом отдыхать поехали вместе. Нина жила в номере с Ларочкой, Сергей с обоими мальчишками. Хотелось бы, чтобы было по-другому, но взрослые решили соблюсти приличия, а детей все устраивало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.